

Г. Фитинго

№16

Г. Ф. 20

Цена 20 коп.

**О ПРЕМИЯХ
И ПРИЛОЖЕНИЯХ
К ЖУРНАЛУ**

„ВОКРУГ СВЕТА“

Подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

3 радио-аппарата.	12 пар буц.
3 фотографических аппарата.	12 пар лыж.
6 велосипедов.	30 пар коньков.
10 самопишущих перьев.	30 рыболовных наборов (лески, поплавки, крючки, сачки, переметы и т. п.).
10 кошельков-портмоне.	100 перочинных ножей (с несколькими лезвиями).
12 карманных часов.	
12 футбольных мячей.	
3 поездки: КРЫМ, КАВКАЗ, УРАЛ (билет и деньги на дорогу) лучшим распространителям журнала.	

~~~~~ Все подробности даны в № 2. ~~~~~

ПРИЛОЖЕНИЯ на 1927 год:

- 6 книг: „ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“.

(Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира).

- 2 книги: Т. Бриджес „КНИГА ОТКРЫТИЙ“.

(Живое и увлекательное повествование о том, как человек постепенно «открывал» свою землю с самых седых времен до настоящего времени).

- 4 книги: Марк Твэн „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА“.
„ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФИННА“.

(Эти блестящие произведения американского писателя даются в новых переводах и с совершенно новыми иллюстрациями).

- 1 книга: Ж. Тудуз «ПОХИТИТЕЛЬ ГОЛЬФШТРЕМА».

(Увлекательный роман, описывающий состояние земли после умышленно вызванного изменения течения Гольфштрема).

- 1 книга: А. Тиаден ТРЕСТ „АТЛАНТИДА“.

(Война Европы и Америки из-за поднявшейся из глубины океана Атлантиды).

- 1 книга: „ПОБЕГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ“.

К 10-летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Богато иллюстрированный сборник, который расскажет читателю о том, какими разнообразными путями удавалось революционерам разных стран бежать из ссылки или из русской, немецкой, французской и т. д. тюрьмы).

- 1 книга: „СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЯ“.

(Альбом художественно исполненных картин и видов, иллюстрирующих жизнь Англии в наши дни).

- 1 книга: „ВЕЛОСИПЕД“. Устройство, езда, уход.

(Настоящая книга для всякого начинающего и даже старого уже велосипедиста. Описаны все последние модели и все последние усовершенствования. Даны и чисто спортивные сведения).

Условия подписки:

С приложениями:

На один месяц	— р. — к.
„ три месяца	2 „ — „
„ шесть месяцев	3 „ 80 „
„ двенадцать месяцев	7 „ — „

Без приложений:

На один месяц	— р. 40 к.
„ три месяца	1 „ 10 „
„ шесть месяцев	2 „ 20 „
„ двенадцать месяцев	4 „ — „

Подписку адресовать: Ленинград, Фонтанка, 57, Изд-во „Красная Газета“

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА

Лер. Фонтанка, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 16

1927 г.
АВГУСТ
31

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: *А. Лебедеко. „За что убили Сакко и Ванцетти“.* — *П. Тучков. „Хочь“.* — *Ф. Доброхотов. „Сфинкс китайского квартала“.* — *Франк Шоу. „Рука-призрак“.* — *А. Дорохов. „Молодежь революции“.* — *Сэм Ллойд. „Как быстро бы соображаете“.* — *С. Болтон. „Как микроскоп поймал трех бандитов“ и др.*

ЗА ЧТО УБИЛИ САККО И ВАНЦЕТТИ?

Сакко и Ванцетти! Эти два имени прозвучали на всех языках над площадями и улицами всего мира.

В течение долгих недель армии шустрых газетчиков будили утром бульвары Парижа, эспланады Буэнос-Айреса, улицы Стокгольма. Тысячи рук подхватывали торопливые листки с мрачными и черными буквами и глаза читавших загорались то гневом, то глубокой болью.

Два пролетария, Сакко и Ванцетти, вокруг своей страшной судьбы собрали напряженное внимание рабочего класса. Рассеянные по всем концам земного шара пролетарии мысленно присутствовали при развитии мрачной трагедии в Чарльстонской тюрьме и Массачусетских судах. Сакко и Ванцетти внезапно стали знаменем своего класса.

Против казни Сакко и Ванцетти протестовали не только братья осужденных, рабочие, но голосало все честное в европейском и американском обществе. Ученые, адвокаты, писатели, парламентские деятели ставили свои подписи под петициями о помиловании осужденных. Даже такие открытые враги рабочего класса, как Муссолини, папа римский и многие другие буржуазные деятели, поднимали свой голос под давлением масс против возмутительного убийства.

Такой единодушный протест был следствием того, что и Сакко, и Ванцетти были невинны, и эта невинность была слишком очевидна для всех.

Как же случилось, что в Соединенных Штатах, гордящихся именем «великой заатлантической демократии», два невинных человека просидели шесть лет в тюрьме в постоянном ожидании смерти, подвергаясь постоянным пыткам и издевательствам и, наконец, были сожжены электрическим током, несмотря на очевидную невинность, несмотря на мощный протест общественности всего мира?

Дело Сакко и Ванцетти началось еще в 1920 г. 15 апреля 1920 г., в предместьях Бостона, Брентри, в штате Массачусетс, какими то неизвестными было совершено нападение на кассира одной из местных фабрик и сопровождавшего его охранника. Выстрелами из револь-

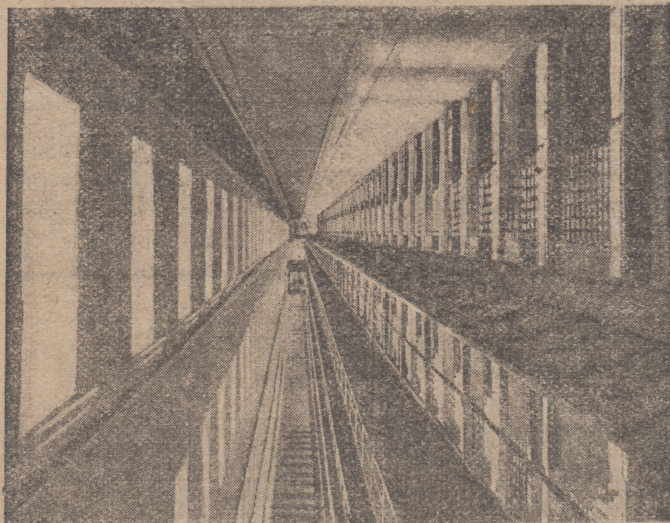

САККО (справа) и ВАНЦЕТТИ (слева) идут под конвоем в суд.

веров оба были убиты. Откуда-то остро прилетел автомобиль, неизвестные погрузили деньги и скрылись с максимальной скоростью. Никто не видел, как произошло убийство кроме одной старой женщины, которая находилась, однако, так далеко от места преступления, что не могла рассмотреть лиц преступников.

В это время в штате Массачусетс произошел целый ряд смелых нападений и молва считала, что нападения эти совершаются какой-то шайкой итальянцев. Бостонская полиция решила, что и это преступление дело рук той же шайки. Была поднята на ноги сыскная полиция, приложены все усилия к розыску убийцы, но дело не двигалось ни на шаг.

Американская тюрьма

Нужно знать, что 20-й год был годом самой черной реакции. В это время по всей Америке, как грибы после дождя, рождались тайные и явные фашистские организации. Испуганная успехами революции в Европе, американская буржуазия организовалась для подавления американского рабочего класса и полицейским террором, организацией штрейкбрехеров и фашистских элементов, пыталась оградить себя от усиления рабочего движения. Ненависть к социалистам, коммунистам и анархистам, а за одно и ненависть к эмигрантам-иностранцам расцветали махровым цветом.

И вот в это время в руки полиции попадает Сакко. У него в кармане находят 500 прокламаций с разоблачениями по делу Сальседо. Сальседо тоже анархист. Он арестован по подозрению в убийстве в Брентри, не сознается, а тюремные и следственные власти изощренными пытками пытаются вырвать у него признание. Вскоре Сальседо не выдержал американского тюремного режима, выбросился на улицу с 14 этажа.

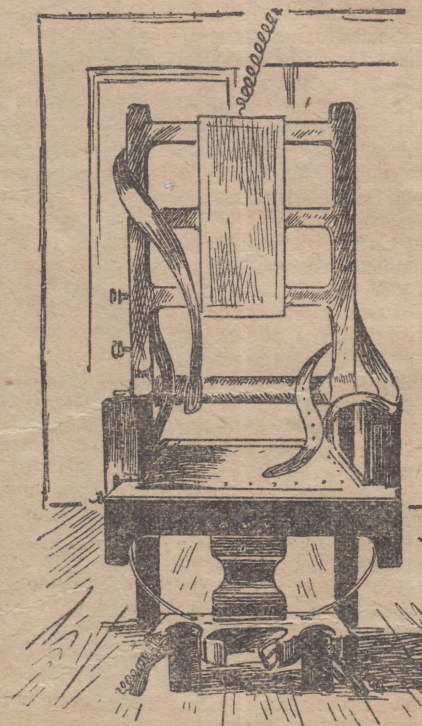
Нет никаких улик, свидетельствующих о виновности Сакко. На первом допросе его и не спрашивают об убийстве в Брентри. Но Сакко — открытый классовый враг. Он громко заявляет о том, что он анархист и ненавидит современный строй Америки, и у бессильных администраторов и судей штата Массачусетс является мысль обвинить Сакко в убийстве. Ванцетти в это время безработный. Он торгует на улицах рыбой. Арестован как анархист. В кармане у него нашли револьвер и он знаком с Сакко. Вот и все улики. Но Сакко и Ванцетти должны погибнуть. Во-первых, они социально опасны, во-вторых, они знают тайну гибели замученного полицией Сальседо. Этим уже тогда, в 1920 г., была предрешена смерть Сакко и Ванцетти.

Начинается долгое, гнусное издевательство над Сакко и Ванцетти, ставшими узниками американской тюрьмы. Сначала Сакко обвиняют в нападении на грузовик, перевозивший деньги 24 декабря 1919 г. Но этот номер не прошел. Контрольные часы фабрики, на которой работал Сакко, показали, что в этот день он не уходил от станка. Многочисленные свидетели подтверждают, что и Ванцетти в этот день был в Плимуте, в 17 милях от места преступления. Сакко оправдан, а Ванцетти, несмотря на свидетельские показания, приговорен к тюрьме на 15 лет. Но этого мало озверелой буржуазии: «американское правосудие» проявляет изумительную гибкость и настойчивость в желании привести обоих узников к электрическому

стулу. Обрабатываются свидетели, подтасовываются улики. Из 500 присяжных с трудом избираются 12 тугоголовых барбосов, на которых в наибольшей мере подействовали патристические речи прокурора Катцмана. Патристические речи говорят и на самом суде. И вот, несмотря на полное отсутствие улик, Сакко и Ванцетти приговорены к смерти. Всеобщее возмущение достигает высших пределов. Уже летом 1920 г. образовался комитет защиты Сакко и Ванцетти. После приговора во главе его становится Вильям Томсон, старшина бостонского адвокатского сословия, крайний консерватор, но возмущенный несправедливым обвинением. Комитет защиты, вскоре получивший ответвления в целом ряде стран, подает апелляцию за апелляцией, ищет новых свидетелей и новых данных, которые пролили бы еще более яркий свет на и без того ясное дело. В январе 1926 г. профессиональный убийца, португалец Мадейрос, сознается, что убийство в Брентри было совершенно им и другими членами банды Морелли, к которой Сакко и Ванцетти не имели решительно никакого отношения.

Всего этого было бы достаточно, чтобы остановить гуку палача в самой некультурной, отсталой, азиатской стране. Но этого оказалось мало для американского правосудия. Каждый раз, когда взрыв общественного негодования вынуждал американскую буржуазию отсрочить казнь, положение массачусетского суда, губернатора Фуллера и всего американского правительства становилось все более и более затруднительным. Дело Сакко и Ванцетти стало делом чести американской юстиции. Оправдать обоих узников — это значило сознаться в том, что в Америке невинные люди могут шесть лет просидеть в тюрьме, ожидая казни, подвергаясь пыткам и издевательствам. На это американская буржуазия пойти не могла и Сакко и Ванцетти сгорели на электрическом стуле.

Многие думают, что казнь электричеством — это казнь культурная. Однако, это не так. Ток редко убивает молниеносно. Один ученый профессор, изучивший казнь электричеством, говорит, что это самая мучительная из всех применяемых ныне способов казни. По его словам, она подобна казни путем зарывания живым в землю.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СТУЛ

Сакко и Ванцетти умерли как мученики за дело рабочего класса. Оба они пошли на электрический стул спокойные и убежденные в правоте своего дела.

Память о Сакко и Ванцетти не умрет. Весь мир ответил на казнь многотысячными демонстрациями и невиданной по единодушию бурей протеста. Миллионы рабочих вышли на улицы, потому что поняли, что казнь Сакко и Ванцетти — это вызов всему рабочему классу. Миллионы рабочих из дела Сакко-Ванцетти поняли больше, чем от чтения тысяч газет и целых томов агитационной литературы. Эта смерть принесет свои плоды и этот плод будет

Революция.

АНАТОЛИЙ.

Быль недавнего прошлого.

Рисунки ЮРГЕНС.

СОДЕРЖАНИЕ I-й ЧАСТИ.

Это быль, а не вымысел, о чем рассказывает автор. В 1918 г. он из Астрахани добрался до побережья Черного моря, но решил убраться отсюда, когда появились отряды Грузинского Национального Комитета.

Но обратную дорогу ему перерезали восставшие казаки. Пришлось двигаться через степной Кавказ к рыбацким селениям на Каспийском море, чтобы отсюда уже добраться до Астрахани.

Так собралась по пути небольшая компания из делегата Крестьянского банка, сестры милосердия, барышни из Твери, мещанина из Кимр и красного офицера армянина. Все стремились к одной цели, попасть к рыбакам на Левом Банке. Наконец, доехали и до места: на узком канале чередой стоял десяток больших рыбацких лодок, а по берегу банка, т.е. заросшего камышом узкого залива, вытянулись открытые навесы на сваях для сушки рыбы.

Неприветливо встретили приезжих местные рыбаки-контрабандисты, но все-таки разместили их под навесом, где уже расположились армяне-спекулянты, везшие муку в Астрахань. — «Спекулянт для контрабандиста — хорошая добыча, — подумал автор. — И не будь здесь нас, кто знает, как распорядились бы рыбаки с армянами?».

Но рыбаки, метая на спекулянтов-армян, решили одновременно израсходовать и только что приехавшую компанию. Очевидно, чтобы не мешали и лишних свидетелей не было. Но в ночную пору автор почувствовал какую-то непонятную тревогу, проснулся и, заметив чью-то тихо проскользнувшую тень, решил последить за ней. То был Распутин, злобный и темный рыбак, который и скрылся на одном из подчалков. «Еще ничего не случилось, еще не было никаких поводов беспокоиться и тормозить других» — говорит автор, но все же он решил переменить место своего ночлега и перебрался под другой навес.

А через некоторое время уже несся тоскливо-молящий крик: «Пощадите!». Началась общая резня. Одно спасение — бежать и скрыться в глухих и бесконечных камышевых зарослях. И он побежал туда, схоронился и слышит, как говорят: «Одного не хватает». Это хватились его, ускользнувшего. Он начинает уходить в камыши, подальше от рокового места. Идет все утро, идет день, но от немилосердного припека солнца и ужасной жажды, готов пойти на первый человеческий голос, хотя бы это был голос убийцы-врага. А кругом нерушимая могильная тишина под яростными солнечными лучами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

И вдруг, — обман слуха это или действительность? — где-то далеко-далеко в стороне я слышу мерный, съедаемый расстоянием, стук топора. Прислушиваюсь... Да, это не воображение. Тук... тук... тук!... Я бросаюсь по направлению слабо долетающих стуков. Там люди, там вода!

Я собираю свои последние силы и двигаюсь в сторону стуков. Они становятся все ближе, все слышнее. Сухое кладбище мертвых камышей постепенно начинает переходить в более сочные, зеленеющие заросли. Пахнуло свежим воздухом. Вот разорвалась травяная завеса...

В сотне сажений от меня стоит ряд подчалков. Какие-то избушки-мазанки. Около них — люди. И вот сверкнула вода, узкая полоска извилистого канала. Я колеблюсь недолго. Ведь, я умру от жажды, если останусь в камышах, а вода так сильно притягивает, что я уж не рассуждаю, а выбираюсь из камышей и, напрягая последние усилия, тащусь к женщине, копошащейся близ мазанок около тачанки.

— Кто бы вы ни были: друзья или враги — скорей, скорей воды! — почти с воплем вырывается у меня.

Хмуро, недружелюбно и с любопытством смотря на меня глаза из-под стрельчатых, прямых бровей. Молча подает боченок. Я жадно прильнул и пью.

Ко мне подходят мужчины.

— Как попал сюда? Где был?

Я окидываю взором собравшихся...

Я опять у них, у этих зверей-рыбаков, покончивших с моими путевыми товарищами прошлой ночью!

Холодный ужас пробегает по моим жилам. И так, все пропало. Но изнуренный мозг не долго останавливается на ледящей крови мысли. Все равно!

— Ага, вот он, пропащий! Где же ты был? Переполоху тут наделал! Завтра придет из Новоселок комиссия расследовать дело. Как же! Исчез человек, как в воду канул. Из-за тебя тут люди оклеветали. Говорили, что Распутин тебя со злобы утопил.

— Ах ты, мать твою!.. Беспокойства нам наделал. Явился! — злобно и радостно сыпались на меня брань, угрозы и вопросы.

— А хорошо, ядрена мать, что пришел засветло — кричит и почему-то дико радуется черный бородач.

— А твои только что уехали: э-э-э-вон мачта подчалка видна. Теперь уж не догонишь! Где же ты пропадал?

Я во что бы то ни стало не должен и виду показывать, что мне все известно. Только бы оттянуть хоть немного конец, хоть мгновенье лишней жизни! И я рассказываю рыбакам, как забрался от комаров в камыши, как напал на меня здоровенный парень, отобрал все деньги, а я, спасаясь от него, заблудился в камышах.

— Да ты врешь все! — вынырнул из гомонящей толпы злой голос Распутина. — Ты, видно, выпил вчера винца, да и проспал до сей поры!

Я всеми силами поддерживаю свою ложь, но Распутин почему-то долго стоит на своем объяснении. Только потом я узнал, что в вино, проданное рыбаками армянам, как и в воду, которую рыбаки с такой готовностью уделили нам для чая, было подмешано снотворное.

Наконец, мне удастся немного поколебать недоверие рыбаков и они подозрительно посматривают друг на друга.

— Ну вот, отстал ты от своих, а теперь, может, дня два придется здесь околачиваться! А жаль, что ты остался!... Так хорошо они устроились!...

— Дня два здесь околачиваться? Да уж лучше я тебя с собой возьму. Сейчас, вот, я еду на Лагань, так устраивайся, пожалуй, на моем подчалке.

Это Распутин. Но я соглашаюсь, я должен согласиться. Я окружен чутко сторожащими каждый мой шаг рыбаками. И я знаю, что они мои палачи, а они

— Устраивайся, пожалуй, на моем подчалке.

знают, что я их жертва. И изнеможденная мысль моя бьется, как о стену, как бабочка о закрытое окно:

«Где же выход? Как спастись?»

Меня зовут закусить перед дорогой, но не хочется ни есть, ни пить. Два-три куска вареной рыбы. Потом меня ведут к кухне — выпить чаю. Я машинально исполняю то, что мне предлагается, но знаю, что меня хотят снова напоить каким-то снадобьем, быть может зловонным, быть может ядом.

Ну, вот все. Я поел, попил — теперь остается одно, последнее: садиться к Распутину на подчалок, а потом? Потом занавес падает.

***

И вдруг все мое существо пронизывает одно страстное желание: жить! жить! До острой боли в мозгах работает мысль. Она мечется, она ищет лазейку, куда бы можно было увильнуть от злобно-подозрительного, бдительного ока моих палачей. Я — как мышь в мыше-

ловке. Но так или иначе, надо действовать, нельзя терять ни одной секунды: сейчас придут по мою голову.

Я тихонько пробираюсь меж навесами, как бы ища кого-то.

— Эй, куда ты? Надо вещи нести на подчалок — сейчас отойдет.

— Я сейчас вернусь... — бросаю я небрежно и, не останавливаясь, иду дальше на-ура.

Вот поворот дороги от канала в сторону Новоселок. Быстро бросаю взгляд вокруг. В двух десятках саженей стоит несколько рыбаков. Они о чем-то беседуют между собой.

И я с дерзостью человека, которому нечего терять, почти на их глазах быстро сворачиваю по дороге. Я спешу, задыхаюсь. Все мысли мои — поглотить как можно больше расстояния, пока меня не хватились. Вот еще и еще поворот. Высокие камыши встали между мной и рыбаками.

— Вперед, дальше, вперед!

Две сотни шагов уже отделяют меня от места страшного происшествия. Две сотни шагов. Я чутко встрепнулся и замер... Слышно неясное трепыхание тачанки по пыльному грунту дороги. За мной погоня! Все ближе и ближе. И я бросаюсь направо от дороги, врываюсь в камыши и чуть ли не кубарем скатываюсь в болото. Вода по колено. Но нет уже времени искать другого убежища: торопливый стук тачанки доносится с дороги явственно и четко. И я тихо-тихо раздвигаю ветви камышняка и двигаюсь в воде в сторону от дороги. И вот — совсем замер, не шелохнусь... Тачанка остановилась почти против меня. Только густая завеса сплошной зелени не дает возможности меня видеть.

Слышен негромкий тревожный разговор. Совещаются. Потом опять стук колес и тачанка покатила дальше.

Я спасен — пока!

***

И вдруг... В смолкшей вечерней тишине раздается бодрый и радостный лай собаки.

«Выпустили ищейку» — пронесется молнией в моем мозгу. О, от нее-то я уж не увернусь, ее я не обману. Она проследит меня по следам, оставленным моими руками, раздвигавшими камыш. Через пять-десять минут она вылезет из чащи, уставится на меня своими умными собачьими глазами. Ведь я для нее — цель и больше ничего.

Я слышу уверенный, веселый лай собаки, хорошо понявшей свою задачу. Я слышу, как она с тявканьем куда-то устремляется. И вокруг ее лая я слышу голоса-переделки подбадривающих ее мальчишек. Но погоня почему-то не приближается. Долго слышатся смешанные голоса, то удаляющиеся, то снова становящиеся ясными.

«А! Собака идет по следам моего первого бегства!»

И действительно, покружив по окрестности, собака, как мне слышно, пришла опять в лагерь рыбаков.

Ну, теперь-то остались последние двести сажен моего второго бегства! Неизбежное близко...

И вдруг я слышу растерянный лай ищейки. Видимо, мой след прервался.

Радостной надеждой закипела во мне кровь. А вдруг я совершенно отрезан от погонии? Но как же это могло случиться? И вот я вспоминаю. Когда я пил воду у дверей кухни, то ступил на свою бурку, валявшуюся тут вместе с прочими моими вещами. Я перешел через нее. Очевидно эту бурку, а вместе с ней,

часть моих следов после моего вторичного бегства убрали и таким образом разорвали непрерывность следа.

Слышен настойчивый лай собаки, ругань и недоуменные возгласы людей. Пять, десять минут. И, наконец, все утихло.

***

Вечер начинает сгущаться. Я дрожу, стоя по колена в воде. Выйти на дорогу не рискую. Я обостренно-подозрителен, я весь чуткость и осторожность. И не напрасно.

Вот где-то в стороне затарахтела тачанка. Все ближе и ближе. Слышу мирное пение, разговор...

— До Астрахани-то, чай, завтра к вечеру доберемся, — с растяжкой далекого путника говорит кто-то на тачанке.

Разговор путников проплывает мимо...

Выйти или нет? Выйти или нет? Спасенье или гибель? Нет! А вдруг — ловушка?

А потом — опять тачанка, опять мирная песня и мирные разговоры. А потом еще и еще. Однако, я начинаю замечать, что стук тележных колес не теряется постепенно в дали. Наоборот. Где-то недалеко телега поворачивает обратно и опять проезжают мимо меня те же путники, с теми же песнями и разговорами.

В моем сознании укрепляется мысль: «Ловушка!» Меня хотят поймать на крючок, на приманку.

Я стою недвижно, как изваяние, и с тревогой начинаю ощущать непреодолимую сонливость. Голова пьянеет, я почти не в состоянии бороться с ядом... ядом снотворного питья, которым угощали меня в кухне.

А между тем нет возможности не только лечь, но и сесть: вода по пояс. Не за что и уцепиться: вокруг зыбкий камыш. Но сонливость настолько непреодолима, что у меня мелькает нелепая мысль: лучше захлебнуться, лишь бы уснуть! Я делаю нечеловеческие усилия стряхнуть с себя сон и начинаю глубоко-глубоко дышать, чтобы «выветрить» отраву. И это мне удается: яростная жажда сна постепенно проходит.

Вокруг все смолкло. Мои преследователи потеряли надежду меня поймать и вернулись к себе в лагерь.

***

Пора, пора! Быть может, по всей дороге притаились пикеты. Но я в безвыходном положении и начинаю тихо подвигаться к дороге среди заколдованной, сказочно-жуткой тишины. Вот я у дороги. Мне необходимо пересечь ее, чтобы выйти в засушливый камышник. И, как суслик, перебегаю почти ползком роковые три сажени.

Перебежал. Все благополучно. Забрался в чащу кустарника, прикрылся, как мог, ветвями. Тут я могу, наконец, позволить себе вздремнуть. Но дремал чутко. Было холодно и жалили комары.

Отыскал Полярную Звезду, определил по отношению к ней направление дороги, ведущей в Новоселки, и решительно углубился в камыши. Полярная Звезда — единственная из всех звезд, не меняющая своего места — всю ночь будет мне служить верным маяком.

***

Сколько времени я шел и сколько верст легло между мною и местом кровавой расправы, я не знаю. Я все шел и шел среди двухсаженного камышника. Чтобы белая рубашка не выделяла меня среди общего

зелено-желтого фона, я снял ее и шел на половину обнаженный. Тучи комаров вились, облепляли тело и впивались сотнями маленьких жал.

Опять начинает мучить жажда. Но камыш сухой, на его листьях нет ни капельки росы. В воспаленном мозгу проносятся мысли о квасе, о льдисто-холодной воде. Я сладострастно мечтаю о влаге. Наконец, я уже не в состоянии больше выносить муки. Кажется, все внутренности запеклись, превратились в сухой пергамент, съезжились и терзают меня. Я ориентируюсь по Полярной Звезде и беру вправо — к дороге.

Через несколько сот шагов камыши поредели. В ночном полумраке — луна уж закатилась — показалась белесоватая полоса дороги. Опять затравленным зверем я перебежал ее, и вот я среди камышей, уж более сочных и еще живых. Но воды — воды все нет. Я продолжаю яростную борьбу с зеленым морем, шуршащим морем стеблей.

Вдруг передо мной раскрылось углубление в земле. Всего пол-аршина в квадрате. Я бросаюсь к этому колодцу. О, счастье! На дне его вода. Я жадно припадаю к ней, черпаю пригоршнями, захлебываюсь, глотаю, глотаю. Потом я поднимаюсь и с свежими силами пускаюсь в путь. Нельзя терять ни минуты. Много часов пути передо мной, много часов борьбы среди чащи камышей. Я еще не испытываю голода, но грозный час наступит и усиленный голод с удесятельной силой начнет терзать меня. Итак, вперед, вперед...

***

Внезапно я решаю, что должен остановиться, передохнуть, даже вздремнуть часок. Я устраиваюсь среди камышняка. Вокруг полная, длительная тишина.

И вдруг всего в каких-нибудь пяти саженях впереди от меня я слышу громкий разговор. Как будто кто-то долго молчал, притаившись, но, наконец, надоело безрезультатно ждаль. Громко разговаривают двое. Садятся на тачанку. Колеса тарыхтят по земле и неведомая гибель уходит от меня все дальше и дальше. Не остановись я здесь, сделай еще несколько шагов вперед и, быть может, для меня совершилось бы роковое. Что меня удержало, так явственно повелело остановиться как раз на грани жизни и смерти?

***

Начинало светать. Я долго выжидал, не шевелясь, затаив дыхание. Ничто не нарушало безмолвия травяной пустыни. И я тихо двинулся вперед. Через несколько минут передо мной открылся проселок. Камыши кончались. Дальше тянулась безбрежная степь с жалкой порослью. Начинались солончаки. Саженях в двухстах от меня, у самой дороги, на юру, что-то белело.

— Мазанка! — подумал я. — Но кто там живет? Быть может, те же рыбаки-контрабандисты, быть может это их наблюдательный пункт...

А между тем этого места не миновать. Да и обойти незаметно почти невозможно. Чахлая, низкая трава растет редко, спрятаться в ней нельзя. Но ведь надо же, надо двигаться вперед, нельзя терять ни секунды на раздумье.

Я решил. Как змея, я начинаю скользить по земле. Большим полукругом я обхожу опасное место. Чем реже трава, тем шире я должен захватить окружность, чтобы замаскировать свое движение. Изредка я приподымаю голову над землей, чтобы не потерять верного направления.

Около белой массы я вижу две тачанки. Вокруг них снуют два человека. Каждый раз, как я приподымаю голову, я рискую, что меня увидят. И я стараюсь как можно реже высовываться из травы.

Я бросился к этому колодцу.

Я ползу, как индеец, как змея, как червяк, извиваясь всем телом по земле.

Я уж далеко от лагеря убийц. Быть может, здесь мне не грозит уж опасность и здесь живут мирные поселяне. Однако, где же я? Не уполз ли я слишком в сторону от дороги? Я подымаю голову над травой... И в этот момент до меня доносится голос мальчишки.

Он стоит на тачанке, протягивает руку в мою сторону:

— Э-э-вот он! Эва ползет-то!

У меня сердце начинает трепыхать:

— Попался! Дважды избежал смерти, чтобы проиграть ставку в последний момент?

Я рванулся вперед. Катышком покатился быстро-быстро, лишь бы откатиться возможно дальше от того места, где меня заметили. Слышу голоса бегущих ко мне людей. Ближе, ближе. Я бешено качусь. Но нет, широко промятая полоса травы — ясный след после меня. Эх! Пропадай все, жизнь проиграна! И я остановился, притаился. Я — затравленный зверь. Охотники на моих следах.

Из-за травы выплыли две фигуры: мальчишка и парень лет двадцати.

— Эвон — он!

Остановились в нерешительности.

— Да это ногаец!

Робко повернули назад. Хотят уйти.

Тут я уж понял, что это — не мои враги.

— Остановитесь! Не бегите! Я не ногаец. Я беглец из-под топора!

Через пять минут я был с парнями у тачанок. Белая масса, которую я принял за мазанку, была громадной кучей соли. Андрей с Ванюшкой — так звали парня и мальченку — перевозили отсюда соль в Новоселки.

С остервенением, рыча и рыдая, я прильнул к боченку с водой. Потом начал жадно глотать большими кусками ситный, курягу, потом опять к воде, и опять к куряге. Голод, жажда, усталость, нервный упадок — все закрутило меня в каком-то диком вихре.

И я рычал — рыдал:

— Рыбаки... убийцы... бежал...

Я был вероятно ужасен. Весь в лохмотьях, обнаженный по пояс, с коричневым от загара и прилива крови телом, с взлохмоченными волосами, лоснящийся грязным потом, — я был похож не только на ногайца, дикого обитателя прикаспийских степей. Я был сатаной, чортом, дьяволом, зверем, яростно рычащим над своей добычей.

Андрей уложил меня на свою тачанку, накрыл клеенчатым плащом, чтобы не видели встречающиеся по пути прохожие, быть может участники убийств, от которых я бежал. И тачанка мягко покатила по пыльной дороге. А я лежал и слушал Андрея, который рассказывал мне жуткие эпизоды из жизни Новоселок — полуразбойного села прикаспийской вольницы.

Я был спасен.

КАК БЫСТРО ЛЕТАЮТ ПТИЦЫ.

Скорость полета птиц прежде всех установили хозяева почтовых голубей. Они нашли, что их средняя скорость от 18,3 до 19,2 м. в сек., или от 11 до 69 км в час. Разница в скорости в общем не зависит от силы ветра, против которого или по которому летит птица. Для сравнения упомянем, что беговая лошадь бежит в среднем 13 м в сек. Немецкий ученый особым способом установил скорость птиц, перелетав-

ших через низменность Куриша. Он определил следующие средние скорости: скворец 1.236 м в минуту, галка 1.026, клестоловик 996, чирик 930, зяблик 876, грачи 870, буревестник и серая ворона 834, желтоногая чайка 828, ястреб перепелятник 690. Если эти цифры перевести на часовую скорость, то она колеблется между 74,16 и 41,4 км в час.

Улика- призрак

Морской рассказ Франка Шоу.

По крайней мере, четверо из команды «Донегалья» могли убить капитана Хайфлита. Но кто именно из них совершил это преступление, решить было трудно. Капитан Хайфлит был убит на борту своего собственного корабля, за тысячу миль от ближайшего берега и за целых шесть тысяч миль от места назначения «Донегалья». Старший помощник, Тербридж, нашел его лежащим на залитом кровью ковре капитанской каюты, мертвым, с наполовину вонзенным между лопатками тяжелым матросским ножом. Острие пронзило сердце и смерть, очевидно, наступила почти мгновенно.

За час до этого Тербридж пожелал капитану «Донегалья» спокойной ночи и капитан на его глазах спустился вниз, насвистывая какой-то веселый напев. Ночь была немного бурная, ветер крепчал, и капитан приказал разбудить его, если необходимо будет убавить паруса.

— Я подумал, что надо убрать еще часть тряпок, — рассказывал Тербридж второму помощнику, м-ру Биггеру, спешно разбудив его после своего ужасного открытия. — Но вы сами знаете, каков был наш старина, не позволяя притронуться ни к одному парусу без его личного приказа. Решив, что хорошо было бы взять риф верхних марселей, чтобы было сподручнее управиться с пакеботом в случае бури, — ртуть продолжала падать, — я спустился к нему вниз. Постучавшись в дверь, я не получил никакого ответа. Постучался снова, опять молчание. Тогда я отважился открыть дверь — он лежал вот так, как вы его сейчас видите. Мертвый и уже почти остывший, с его изуродованной рукой, откинутой в сторону, совсем, как сейчас. Говорю вам, что меня чуть не хватил удар.

— Ясно одно: это не самоубийство, — сказал Биггер. — Насколько я знаю, он не имел к тому ни малейшего повода. Пожалуй, это был самый счастливый и беззаботный из всех людей, с которыми я когда-либо плавал. Должен был жениться после конца этого плавания. А мужнина, который собирается жениться на такой девушке, — он мотнул головой на прибитую к переборке большую фотографию в красивой рамке, — не станет лишать себя жизни. К тому же, это невозможно. Приходится сделать усилие даже для того, чтобы почесать себя между лопатками, уже не говоря о том, чтобы воткнуть таким способом в сердце нож. Это — убийство. Остается лишь дознаться, кто это сделал.

Вопрос этот должен был остаться неразрешенным в течение многих дней. На борту парусного корабля «Донегалья» не было специально обученных людей для расследования насильственных преступлений. А умышленные способности большинства моряков дальнего плавания, обычно, не искушены в области сыска преступников.

— Как бы там ни было, мы должны добраться до того, кто это сделал. Я чувствую, что охотно свернул бы шею этому мерзавцу, — возразил Тербридж на замечание второго помощника, что Скотланд-Ярд не держит своего представителя на борту «Донегалья». — Я любил покойника, мы с ним хорошо ладили. Он относился к людям по-человечески: если что-нибудь было не по нему, он так прямо и заявлял, а если бывал доволен, то не упускал случая высказать это... Что же нам теперь делать?

Биггер почесал заскорузлым пальцем свою густую шевелюру. «Донегалья», словно протестуя против совершаемого на нем злодеяния, свирепо бросался из стороны в сторону, и мысли обоих моряков спешно направились на защиту корабля от бури.

— Лучше разбудите третьего помощника и скажите, чтобы он заступил вахту, — сказал Тербридж, автоматически ставший преемником капитана. — Прикажете ему рифовать верхние марселя, когда пробьет 8 склянок, сей-

час уже около этого времени. Вернитесь сюда, когда Грешэм станет на дежурство.

В отсутствие Биггера Тербридж тщательно осмотрел всю каюту. Он не заметил ничего, что могло бы возбудить подозрение. Усевшись в кресло капитана и подпирая рукой свой шершавый подбородок, Тербридж перебирал в уме всех, на кого могло бы пасть подозрение в убийстве капитана. Во-первых, полукровка стюарт Дельгоа. Но он находился в дружеских отношениях с капитаном. Дельгоа был усердным слугою и искусно приготавливал любимые кушанья капитана. Хайфлит не раз во время этого плавания выражал свое удовольствие по поводу того, что ему удалось заполучить такого исполнительного стюарта, с'умевшего к тому же угодить всей команде.

Тербридж устремил свой взгляд на все еще торчавшую в спине убитого рукоятку ножа. По внешнему виду она ничем не отличалась от рукояток обычных морских ножей: черная, отделанная медью и перевязанная в трех местах тонкой бичевкой.

Удар был нанесен, повидимому, очень сильной рукой, так как рубашка капитана оказалась смятой и разрезанной края материи были вогнаны внутрь раны мощным нажимом лезвия. Этого было достаточно, чтобы исключить из-под подозрения стюарта — старика со слабыми, дрожавшими руками.

— На ком же остановиться? — произнес про себя Тербридж, — Христоферсен?.. Да! Это всего правдоподобнее... Он чертовски нагло вел себя со шкипером на прошлой неделе и, когда тот, ударил его кофель-нагелем он поклялся отплатить ему за это.

Биггер вошел, сняв шапку и доложил, что разбудил третьего помощника, объяснил ему, что случилось и, пока тот не сменил его, оставался на малубе. Согласно приказанию Тербриджа, паруса будут убавлены в 8 склянок; судно идет благополучно; погода, хотя и плохая, не грозит еще худшими осложнениями.

— Жаль, что я не знаком с сыскным делом, — добавил он. — Удивляюсь, кто мог это сделать?

— Я и сам удивляюсь. Это необычайно трудная задача, Биггер! Может случиться, что пройдет не меньше месяца, прежде чем мы войдем в какой-либо порт и обратимся там за помощью к полиции. Но к этому времени не сохранится никаких улик преступления. Не можем же мы держать тело на борту, пересекая тропики. Необходимо похоронить его. А раз это будет сделано, кто и как выследит убийцу?

— Примемся-ка лучше за дело: составим подробный отчет о происшедшем и занесем в него все, что, по нашему, может иметь значение, — предложил Биггер. — Хотел бы я, чтоб нам удалось обнаружить виновного. Грязная свинья!

— Для начала вынем нож, — ответил Тербридж. — Это — самая значительная улика. Если вы вытащите его я...

— Я полагаю, сэр, что следует немного повременить. Нож может помочь нам, если в восемь склянок мы произведем общий смотр команды. Уборка парусов — достаточно веская причина, чтобы вызвать всех наверх. А пока вы будете поочередно выкликать их, я с фонарем обойду шеренгу сзади и посмотрю, у кого из них пустые ножны. Потом мы сведем каждого человека вниз, поставим его перед... перед трупом и будем зорко вглядываться в лица. Что вы скажете на это? Ведь убийца-то, наверняка, на борту. С нас дядеся посреди океана судна убежать некуда, особенно, когда дует такой ветер, как сейчас.

— Это неплохая мысль. А пока пробьют склянки, давайте, осмотрим всю каюту. Убийца либо принадлежит к командному составу, либо сумел неслышно прокрасться

сюда. Луна зашла, приблизительно, через 10 минут после того, как капитан ушел вниз. Я большую часть времени ходил по юту, от борта до борта, но не заметил, чтобы кто-нибудь двигался в темноте и не слышал, чтобы хлопнула дверь. Если бы кто-нибудь спускался со шканцев вниз при таком ветре и качке он был бы принужден с шумом закрыть дверь. Я не минуты не думаю, что кто-нибудь сходил в кают-компанию: иначе он попался бы мне на встречу. О Грешэме не может быть речи...

— Грешэм не обидел бы и мухи! К тому же капитан помог ему выбраться из неприятной для него истории в Калета Буэна, за что Грешэм питал к нему большую благодарность. Когда я сообщил Грешэму, что случилось, он был ужасно потрясен и, идя на палубу, клялся, что своими руками вышвырнет убийцу за борт.

— Да, Грешэм вне подозрений. Переходим к стюарту. Правда, он слишком стар для того, чтобы нанести такой сильный смертельный удар, но нам, все же надо позвать его и допросить.

— Никак не могу возвести на эту старую няньку такое обвинение, сэр! Вспомните только, как он ухаживал за тем мулатом, что свалился с трюма во время погрузки и сломал себе ногу. Он ревел как баба, когда бедняга умер...

— Между нами говоря, я поднимая Христофсена Он — единственный человек на борту, имевший зуб против шкипера. К тому же, он всегда был угрюмым, саркастичным животным. Мы почти ничего о нем не знаем, кроме того, что сказано в его аттестации. Чем больше я думаю о нем, тем больше мне кажется, что у него — лицо убийцы.

— Одно обстоятельство противоречит вашему предположению, сэр! Христофсен стоял у рулевого колеса, когда я взшел на палубу.

— Гм... да... оно так... Я забыл об этом... Но кто же тогда?

— Мы выясним это, сэр, не беспокойтесь. Алло! Бьет восемь склянок. Схожу за фонарем и буду наготове...

Биггер вышел. Тербридж еще раз внимательно оглядел каюту. Это было простое рабочее помещение, без всяких безделушек и украшений. На выкрашенных в белый цвет переборках прежде всего бросалась в глаза фотография в серебряной рамке.

Тербридж остановился перед ней и долго смотрел на нее. Потом, осторожно обойдя мертвое тело, вышел и тщательно запер за собою дверь.

Вся команда собралась под полуютом. Только что разбуженные люди громко звали и с ворчанием опраивали свою клеенчатую одежду, подвязывая свои зюйдзестки, так как им было сказано, что сейчас придется убавлять паруса.

Обычно ночная переключка вахты состояла в том, что кто-нибудь докладывал, что все на местах, но на этот раз она была обставлена более торжественно. Первый помощник отрывистым голосом приказал матросам построиться поперек судна, спиной к полуюту, и на память выкрикивал их имена. Как только он начал переключку, Биггер, зайдя за спины команды, стал направлять свет своего фонаря на пояс каждого.

Большинство торговых моряков, находясь на борту парусника, носят свой нож в узких кожаных ножнах, подвешенных к поясу. Надевая же свою клеенчатую одежду, обычно, стягивают ее сверху поясом, чтобы в случае надобности иметь нож под руками.

— Бриджес! — крикнул помощник.

— Сэр! — ответил матрос.

— Котс!

— Сэр!

— Котс!

— Сэр!

— Лендон!

— Сэр!

— Где твой нож, Лендон? — резко спросил второй помощник. — Твои ножны пусты.

— Остался на столе, сэр! Я закусывал куском холодного ростбифа, незадолго до восьми склянок, — пробормотал матрос.

— Дуй на бак и принеси его сюда — живо!

Лендон вышел из ряда и проворно побежал по залитой брызгами палубе.

Тербридж продолжал называть одну фамилию за другой.

— Где твой нож, Малле? — спросил второй помощник.

Малле порылся под своей клеенчатой курткой и вытащил устрашающего вида складной нож, пригодный

для того, чтобы заколоть целого быка. Он объяснил, что, уронив за борт два обычных морских ножа, он завел себе складной, менее удобный, правда, но более экономный. Когда при сильном ветре приходится лазать по снастям, длинный нож легко выскальзывает из ножен и падает в воду.

Помощник спросил стоявшего рядом с Малле матроса:

— А давно ли Малле употребляет складной нож?

— Насколько я припоминаю, во все время плавания, сэр!

Среди команды пробежал легкий ропот недоумения.

— Кэрвер! — Ответа не было.

Тербридж повторил фамилию, но снова не получил ответа. Кто-то пробормотал: «Смотрит вперед, сэр».

— Нет, — возразил помощник. — Его сменил в 4 склянки Томлинсон. Кэрвер!

Он повысил голос до крика, и тотчас же подозрение Биггера легло на отсутствующего матроса. Но с носом тяжелой походкой приближались две фигуры: засовывающий свой нож в ножны Лендон и протирающий заспаные глаза Кэрвер. По его словам, зайдя в ламповую каюту, чтобы закурить трубку, он невольно уснул на грузе обструги, приготовленной заправлявшим лампы матросом. Его нож был при нем. После короткого выговора, ему было позволено стать в ряд. У Брендфорда также не оказалось ножа, и он не мог привести никаких объяснений. Повар, плотник и починяльщик парусов не внушали никаких поводов к подозрению. Проверка кончилась, и Тербридж приказал поставить людей на гитовы марселей.

Второй и третий помощники поднялись наверх, чтобы руководить работой. Тербридж стал на вахту. Ослабив, в ответ на раздававшиеся сверху крики, несколько веревок, он взобрался к штурвалу, где матрос первой статьи Христофersen, швед с суровым лицом, беспрерывно вращал рукоятки, чтобы сохранять нужный курс судна. Ноктоузные огни отсвечивали на мокрой клеенчатой одежде рулевого и на его забрызганном лице, обращенном на колпак компаса.

Тербридж широко расставил для равновесия ноги, взглянул на компас, посмотрел кверху, пошел на подветренную сторону и заглянул через борт. Потом вернулся обратно.

— Имеешь ли ты какое-нибудь отношение к убийству капитана? — внезапно спросил он. — Ты не любил его и кое-кто из команды слышал, как ты враждебно отзывался о нем. Это ты спускался вниз, чтобы зарезать его?

Христофersen изменился в лице и широко раскрыл рот: — Я... я был у руля с тех самых пор, как капитан пошел вниз, сэр.

Тербридж приблизился к нему вплотную.

— Довольно лгать! Вполне возможно, закрепив шкот вокруг рукоятки штурвала, отойти от него на 2 — 3 минуты. Известно, что ты не видел капитана, и он мертв — убит. Покажи твой нож!

Матрос схватился за пояс, но в руке у него не оказалось ножа. Слегка заикаясь, он пояснил, что в 4 склянки был послан кверху, обрубить спутавшиеся гитовы парусов и, очевидно, выронил нож за борт. Тербридж взял одну из ноктоузных ламп и осветил ею все кругом. Один конец шкота лежал на решетке люка, слови, он был поспешно закинут туда, после того, как его, как попало, сбросили с штурвала...

Убавив паруса, нижняя вахта отправилась на полубак. Рулевой и дозорный сменились. Тербридж, сбегав вниз, вернулся в тот момент, когда Христофersen передавал третьему помощнику курс.

— Мне надо поговорить с тобой, — сказал Тербридж и обхватил высокого шведа. Послышалось резкое шелканье и, прежде чем швед сообразил, в чем дело, у него в руках оказались стальные наручники.

— Откройте люк парусного ящика и запирайте в нем этого человека! — скомандовал Тербридж. — Это — убийца!

Христофersen громко запротестовал, уверяя, что он невиновен. Когда его увели, второй помощник удивленно обратился к Тербриджу.

— Но ведь он все время был у штурвала!

— А разве вы никогда не слыхали, что можно, закрепив штурвал, уйти покурить? Откровенно говоря, все дело принимает мрачный оборот для Христофсена. Я припоминаю, как вскоре после ухода капитана, когда я ходил по полуюту, судно вдруг зашвыряло из стороны в сторону. Я отправился к грот-мачте, чтобы немного поправить марс-фалы, и убежден, что Христофersen вос-

пользовался моим отсутствием, закрепил на-мертвую колесо, отлучился вниз, заколол капитана и, успев вернуться обратно, снова стал к штурвалу. Подумайте сами: конец шкота лежал на решетке люка перед штурвалом, где ему вовсе не полагается быть. Христоферсен потерял свой нож. Он говорит, что уронил его за борт. Мы знаем, что у него была причина ненавидеть капитана Хайфлита. Спустимся-ка и испытаем всех подозреваемых, как вы придумали. Я крайне заинтересован в том, чтобы разрешить эту тайну.

Оба отправились вниз. Биггер предложил начать с Христоферсена.

— Войди! — кротко приказал Тербридж сковавшему шведу, когда того привели к двери капитанской каюты. Швед нехотя повиновался. При виде распростертого тела он содрогнулся, потом черты его лица застыли в тупой неподвижности. Если оба любителя-сыщика ожидали увидеть уличающее проявление ужаса перед убитым, то они должны были разочароваться.

Тербридж внезапно приступил к импровизированному способу «очной ставки» подозреваемого с убитым.

— Положи твою руку на капитана Хайфлита и поклянись, что ты невиновен!

— Мне не охота трогать мертвеца, сэр! — пробормотал суеверный швед. Глаза помощника свирепо засверкали. — Ага! — загремел он, — ты боишься, что кровь мертвого снова заструится из раны. Делай, что я приказываю!

— Я не убивал капитана, сэр! — пролепетал обвиняемый. — Он ударил меня, и я не взлюбил его, это правда, но я никогда не убил бы его за это. Клянусь, что я не отошел от штурвала.

— На колени! — заорал Тербридж. Он схватил закованные руки шведа и подтащил их к откинутой голове капитана. Швед в холодном ужасе стучал зубами, его глаза выкатывались из орбит. Торжественно произнося клятву, он с ужасом впиался взглядом в торчащий наружу конец ножа. Тербридж пригнул его голову к рукоятке ножа.

— Твой нож? — спросил он.

— Нет сэр, клянусь богом, нет! Я никогда прежде не видел этого ножа.

— Уведите его обратно! — приказал помощник, и, когда Биггер вернулся сказал:

— Я уверен, что мы уже обнаружили убийцу.

— А по моему — нет, сэр! — возразил Биггер. — Эти шведы полны суеверий, как вы знаете. Но если бы он совершил это преступление, он беспреступно исполнил бы ваше приказание, чтобы снять с себя подозрение.

— Он боялся, что рана вновь откроется. Разве вы не заметили, как он уставился на нож? Теперь вводите поочередно всех остальных. Мы должны быть справедливыми. Нам следует предпринять все, что в наших силах, чтобы возложить вину на того, кто действительно виновен.

Первым был введен стюарт, прославивший всю тревогу, так как его помещение находилось в конце коридора, далеко от капитанской каюты. Он издал дикий вопль ужаса, когда его втокнули в каюту. Лицо его посерело. Он готов был тотчас же выбежать вон, но через мгновение овладел собой и не колеблясь опустил свои дрожащие колени рядом с головой мертвеца. Поднял ее и, пристально посмотрев в зустыжные черты, благоговейно положил ее обратно. Потом дотронулся до оочевневшей, изуродованной руки, откинувшейся в сторону от тела. На глазах у него навернулись слезы.

— Клянусь, что задучу того негодяя, который это сделал сэр!

— Может быть ты сможешь сказать нам, кто он? — заметил Тербридж. — Взгляни-ка на этот нож: узнаешь ты его?

— Это нож самого капитана, сэр! Он хранил его в маленьком ящике под своей койкой и употреблял его для нарезания табака. Я часто оттачивал ему этот нож и как можно острее, потому что он любил мелко нарезать свой табак, прежде чем смешать его с дорогим сортом.

О а помощника переглянулись: это открытие проливало новый свет на предполагаемую вину Христоферсена.

— Вытащи нож и передай его мне, стюарт! — сказал помощник.

Без колебаний, бережно, словно мертвое тело еще могло ощущать боль, слуга извлек смертоносное лезвие. Оно оказалось достаточно внушительным оружием, окрашенным кровью, с натеоченными как бритва краями.

— Ты готов поклясться, что это нож самого капитана? — переспросил Биггер.

— Да, сэр! Я отличил бы его среди тысячи других.

— Вводите остальных! — приказал помощник. Все подозреваемые, очутившись перед трупом, вели себе каждый по-своему: один из них, жадно глотнув воздуха, зашатался и почти потерял сознание, у другого с внезапно побелевших губ сорвались проклятия. Но, помимо

обычных в таких обстоятельствах перепуга и тревоги, никто не проявил сколько-нибудь подозрительного поведения.

— Бряд ли кому-нибудь из палубной команды было известно, где капитан хранил свой нож, — сказал Биггер, снова оставшись вдвоем со старшим помощником. — Если нож, как утверждает стюарт, всегда находился в этом ящике, как мог один из баковых матросов узнать об этом?

— А кому было поручено, как-раз перед наступлением плохой погоды, выкрасить кормовой срез?

— Христоферсену! — после минутного колебания ответил второй помощник. Он перевел взгляд с лица собеседника на выходящий на шканцы иллюминатор, потом на ящик и кивнул головой.

— Я понимаю. Да, сэр, я понимаю ход ваших мыслей. Вы думаете, что этот парень мог заглянуть сюда

При виде распростертого тела он содрогнулся.

через иллюминатор и увидеть, где держит капитан свой нож. Очевидно, он, наблюдая за капитаном, когда тот нарезал свой табак, решил воспользоваться этим оружием, чтобы отвлечь от себя подозрение.

— Я полагаю, что это так.

— Да, это предположение кажется достаточно обоснованным, но в нем есть один пробел. Капитан Хайфлит не был тишедушным цыпленком. И он не спал, когда его закололи, так как он успел лишь наполовину раздеться, а койка его осталась не примятой. Чтобы достать этот нож, надо было войти в каюту, пройти мимо бодрствующего шкипера, открыть ящик, вынуть нож и всадить его в спину, в спину, сэр! А что же по вашему, делал все это время капитан?

— Он мог... постойте-ка!.. Ну, конечно, вот как оно могло случиться: Христоферсен работал снаружи иллюминатора и видел, где лежит нож. Капитан был на полудюте во все время вахты, пока он не ушел книзу. Христоферсен стал к штурвалу только в 10 часов. У него было достаточно времени прокрасться в каюту, схватить нож и вложить его в свои ножны, где он остался бы незамеченным в темноте. Приведите-ка его еще раз.

Остановившись у порога каюты, Христоферсен заглянул внутрь с загнанным выражением в глазах и с угрюмой складкой вокруг рта. Тербридж подошел к нему и резко спросил: — Где хранил капитан свой табачный нож? Глаза шведа молниеносно обратились в сторону указанного стюартом ящика.

— Ты заглядывал внутрь каюты через иллюминатор и наблюдал за тем, как капитан резал табак?

— Да, я видел сэр, но, клянусь богом, я не касался ножа.

— Ты не входил сюда сегодня ночью, пока капитан был наверху?

— Клянусь, что нет, сэр! Двое из палубной команды могут подтвердить, что я беседовал с ними под полубаком, пока вы не послали меня наверх.

— Кто же?

Швед назвал два имени. Старший помощник хотел было тотчас же допросить этих матросов, но подумал, что их подвахтенное время уже частью прошло; они рассердятся, что их разбудили и к тому же такие свидетельства показания можно было бы отложить и до завтра.

Попрежнему упорно настаивавший на своей невинности Христоферсен был отведен обратно в его импровизированную тюрьму.

— Он достаточно явно выдал себя, — заметил Тербридж. — Мы сейчас ничего не можем больше предпринять. Остается только положить капитана на кровать и прикрыть его.

Так они и сделали. При этом нелепо откинувшись в сторону изуродованная, закорчеватая рука мертвеца. Это была странная рука с шестью пальцами. Верхние суставы четвертого и пятого пальца были отняты еще в дни молодости капитана, после того, как он ухватился этой рукой за скользнувший за борт спутанный проводочный канат. Хайфлит часто рассказывал своим помощникам об этом случае и смеялся над ненормальным строением своей руки.

— Если бы я родился с двумя шестипальными руками, — говаривал он не раз, — я мог бы показываться в балагане за деньги.

Уродливая рука, казалось, показывала вытянутым застывшим указательным пальцем на середину каюты, на расплывшуюся по ковру лужу крови. Оба помощника невольно вздрогнули. Биггер взял руку капитана и, с силой отогнув ее на грудь покойника, поднял его вторую руку и положил ее накрест с первой. Но руки снова распались, и правая рука вновь приняла свое прежнее положение.

— Похоже на то... словно он требует правосудия! — сказал старший помощник. — Уложите его руки, как следует, и свяжите их.

Исполнив это поручение, Биггер почтительно прикрыл неподвижное тело чистой простыней. Погасив лампу, оба помощника вышли из каюты и заперли дверь.

— Зашейте его сами, когда придет время похорон! — проговорил Тербридж. — Долг командного состава — защитить тело шкипера.

Наступил хмурый рассвет. Надвигалась буря. Высокие, как горы, волны с белыми гребнями неслись, словно одержимые амебой. Дальнейшее расследование, казалось, опровергало убеждение нового капитана. Оба матроса, на которых сослались обвиняемый, были уверены в том, что Христоферсен находился с ними всю первую половину вахты. Правда, они не решались поклясться в этом, но

все же они не могли припомнить, чтобы он покинул их до того, пока его не позвали кверху. А что еще важнее, по свидетельству стюарта, нож лежал в ящике в 8 часов. Около этого времени стюарт, по приказанию капитана, принес ему его клеенчатую куртку и застал его за нарезанием табака. Набив трубку, капитан со свойственной ему тщательностью вытер нож и положил его обратно в ящик. Следовательно, отпадало предположение, что нож был вытаснен убийцей до начала первой ночной вахты.

— Как бы там не было, я убежден, что он это сделал. Кто же еще мог бы совершить это убийство? — продолжал настаивать Тербридж. Он подверг Христоферсена такому упорному перекрестному допросу, что последний дал несколько противоречивые показания. Но, по мнению Биггера, эти противоречия не пролили света на неразгаданную тайну. Однако, новый капитан упорствовал на своем.

— Судьи добьются от него правды, — было его заключительное мнение. — А пока что, мы будем держать его в оковах. Нет надобности менять курс и заходить в ближайший порт, — это не понравилось бы владельцам «Донегалья». Мы похороним капитана и будем ждать прибытия к месту нашего назначения.

Перед тем, как обрядить покойника, Биггер спустился в свою каюту за необходимыми принадлежностями. Он долго искал иглу, перерывая ящик за ящиком, пока, наконец, не вспомнил, что повесил нитку со вдетой в нее иглой на крючок внутри шкафа, в котором хранилось его скудное обмундирование. Снимая нитку с крючка, он уронил свой наперсток в боковой карман висевшего рядом пальто. Всунув руку в карман, он нащупал внутри его какой-то предмет, вытащил и задумчиво разглядывал его несколько мгновений, а затем положил обратно.

— Хм... Стоило бы попытаться... Впрочем, отложим это, на тот случай, если не найдется нового доказательства... — Он усмехнулся при этой мысли.

Покончив со смертным покровом капитана Хайфлита, Биггер вернулся к себе и снова занялся найденным в кармане пальто предметом. Пошарив в одном из ящичков, он вынул оттуда пару маленьких ножниц для ногтей и небольшой пузырек... Через некоторое время он явился к Тербриджу, заносившему в вахтенный журнал подробную запись об убийстве Хайфлита.

Потом Биггер, Грешэм, боцман и стюарт засвидетельствовали эту запись, которая заканчивалась так: «В виду того, что подозрение пало на матроса первой статьи Христоферсена, последний, по моему приказанию, был заключен в оковы, дабы он не избег правосудия».

Они похоронили капитана Хайфлита с соблюдением всего обряда морского погребения. По приказанию Тербриджа, Христоферсен присутствовал на похоронах, со скованными руками и мрачным выражением лица. Однако, хотя все три офицера испытующе вглядывались в него во время погребального чтения, он не проявил ни смущения, ни страха, даже когда окоченевший, зашитый в парусину труп, скользнул за борт в гребень вздымавшейся кверху волны и исчез в белом вихре злобной пены. Но перед тем как его увели, он снова громко, негодующе протестовал против возведенного на него подозрения. Некоторые из матросов, все еще стоя с непокрытой головой, зароптали, когда Тербридж строго приказал шведу замолчать:

— Несправедливо держать его скованным... Его вина не доказана... Он вовсе не замыслил убить шкипера... Конечно, нет, даже после того, как шкипер прибил его...

— Разойдитесь! — заорал Тербридж. — Против этого человека есть достаточно веские улики. Не думаю, чтобы кто-нибудь из вас хотел бы быть убитым на своей койке.

«Донегаль» нырнул вперед в хаос волн, словно радуясь тому, что он, наконец, свободен от своего мертвого груза...

... О, господи! — внезапно воскликнул штурвалный. — О, господи! Это был Малле, несший ночную вахту. «Донегаль» благополучно миновал полосу шторма и теперь спокойно скользил по океану. Паруса приятно шуршали под легким ветром. Вода мягко и ласково журчала и плескалась вдоль бортов. Ночь была ясная. Поздняя луна еще не вошла, и звездное сияние отражалось на мерцающей белизне парусов.

— Что такое? — спросил Биггер, обернувшись на восклицание Малле.

— Господи!.. Вы не видали ее, сэр? Рука капитана Хайфлита... шестипалая, указывающая сюда...

— Ерунда! Ты задремал и видел ее во сне! Капитан Хайфлит покойся на дне океана, на расстоянии тысячи миль отсюда. Таких случаев на яву не бывает!

— Клянусь богом, сэр! Я видел ее, — большую кисть руки с шестью пальцами, концов двух пальцев не хватало, а указательный показывал сюда!

— Где же ты ее видел?

— Там наверху, сэр! Господи! Она снова там! — Штурвальный дрожащей рукой показал на бизань.

— Я ничего не вижу, — отозвался Биггер, исполнявший теперь обязанность старшего помощника.

— Ты наверняка видел ее, Малле?

— Ну, еще бы, сэр! Ох! Вот она снова!

В ночном воздухе, действительно, причудливо вырисовывалась тень огромной руки. Она была окружена смутным ореолом желтоватого света, и ее указательный палец был вытянут прямо на Малле.

— Это только тень! — усмехнулся Биггер. — У страха глаза велики, Малле. Вот она и исчезла. Следи внимательно за курсом и выкинь этот вздор из головы... Ты говоришь, она была шестипалая?

— Это была рука капитана Хайфлита! — горячо говорил матрос. — Она ищет убийцу. Некоторые из команды рассказывали, что они видели ее, но я до сих пор не верил этому.

— Это все ерунда, Малле! Это примерещилось только тем, у кого нечиста совесть. Ты ведь не имеешь никакого отношения к убийству капитана?

— Нет, сэр! Он был славным капитаном!

В серьезном тоне голоса Малле звучала полная искренность. Биггер несколько повернул ноктоузную лампу так, что ее свет упал в лицо штурвального.

— Ты ничего не знаешь на этот счет? Я имею в виду это убийство. Никогда не слыхал, как Христерсен грозил расквитаться с капитаном? Заметь, что я спрашиваю об этом в твоих же интересах, Малле. Пока вина Христерсена еще окончательно не доказана, подозрение ложится на всю команду.

— Сказать всю правду, сэр, он здорово ворчал на капитана за то, что тот отколотил его. Он даже говорил, что хотел бы повстречаться с ним как-нибудь на берегу, в темном переулке и без свидетелей, так ведь такие разговоры зачастую ведутся на полубаке. Я сам видел, как этот здоровый парень упал в обморок при виде крови. Мы с ним плавали вместе на борту «Аретузы». А раз был такой случай: — на палубу залетела полумертвая от усталости сорока. Он нянчил ее точно ребенка, сэр, пока ему не удалось ее вывести. Вот почему я никак не могу представить его себе убийцей.

— Однако, все обстоятельства складываются против него... Держи крепче, сынок, ты на полтора румба ушел от нашего курса.

— Нас сносит ветром, сэр.

— Да, верно! — Биггер порывисто прошел на полуют и приказал вахтенным налечь на снасти. Позевывая, они появились, один за другим и стали натягивать один из канатов, как вдруг, кто-то из них внезапно заорал:

— Смотрите! Смотрите!

В воздухе расплылось туманное очертание гигантской причудливой руки, шестипалой, с двумя изуродованными пальцами, руки капитана Хайфлита. Она некоторое время точно парила над палубой, затем уменьшилась, снова появилась и вновь, уже окончательно, исчезла.

— Эй! Наляжь на брасы! — прикрикнул Биггер. — Бросьте ваши сумасбродные выдумки, ребята!

— Есть от чего сойти с ума! — задыхаясь от суеверного страха, пробормотал один из вахтенных и утер рукавом выступившие на лбу капли холодного пота. Окончив работу, никто из вахтенных не удалялся дальше в укромные уголки, чтобы вздремнуть украдкой. Все сообщало шагали взад и вперед по палубе, выказывая явное тяготение к обществу друг друга.

Они сообщили о виденном сменившей их в 8 склянок вахте. Вновь пришедшие на верх матросы хотя и встретили их рассказы подтруниванием и насмешками, однако, невольно понизили голоса, обсуждая это событие, и боязливо взглядывали вверх. Суеверные моряки втайне верили, что дух убитого не может успокоиться, пока проливший его кровь не будет найден.

— Все в порядке. Держим круто. Править по ветру! — сообщил Биггер Грешэму. — Вот только некоторые из команды вбили себе в голову как-то чушь, будто появился призрак капитана Хайфлита. Они болтают, что видели висевшую над их головами изуродованную руку капитана. Дай бог, чтобы эта рука, если она блуждает вокруг нас, схватила бы за горло убийцу!

— Присоединяюсь к вашим словам, сэр! Я ничуть не уверен, что преступление совершил Христерсен. Только что я заглянул к нему. Он тоже говорил мне про эту руку. Я решил, что он бредит, будто бы она высу-

нулась из мрака и указывала на него, и когда он запристал свою голову под старые паруса, он нашел там чей-то нож. Просил меня взять его, — боится поддаться желанию покончить с собой из-за одиночества. Вот нож

— У него был вид виновного?

Грешэм покачал головой.

— Не сказал бы этого! Наоборот, он ждет не дожидается, когда мы придем в порт, и судебные власти снимут с него обвинение. Все же я буду настороже, что касается этой загадочной руки.

Биггер направился в штурманскую рубку, сделал запись в черновом журнале и, подмахнув в книге приказаний на ночь, лег спать. Сменив утром Грешэма, он осведомился, как прошла вахта.

— Не случилось ничего особенного. Корабль был спокоен, как мышь... Я так полагаю, что все это им просто пригрезилось...

— Я тоже, хотя и сам почти вообразил, что вижу какую-то тень вроде руки. До чего в темноте и одиночестве может разыграться человеческое воображение! — отсал Биггер. И обратившись к появившемуся на палубе Тербриджу, рассказал ему о странном происшествии.

— Думаю, что они сговорились между собой убить капитана Хайфлита, — сказал Тербридж. — Мне пришло на мысль, что в убийстве замешано несколько человек, хотя, фактическим убийцей был именно Христерсен. Очевидно, они бросили между собой жребий. Во всяком случае, мы скоро узнаем истину. Кстати, Биггер, прикажите открыть этот люк, чтобы воздух свободно проник в трюм. А то ко мне в каюту доносится запах гнили. Следует держать эти люки открытыми во время хорошей погоды.

— Ладно, сэр!

Крышки люка были открыты, и капитан и помощник заглянули вниз, в зияющую пустоту трюма. «Донегаль» перевозил партию тяжелых машин, поэтому, трюм был лишь наполовину заполнен.

— Пусть наш «Донегаль» немного проветрится, — заметил Тербридж.

Хорошая погода продолжала держаться. Люки так и оставались открытыми, и вскоре в каютах перестал ощущаться тяжелый запах заплесневелой, застоявшейся воды. Дни проходили однообразно, не принося с собой ничего нового; лишь изредка вновь появлялась тень руки. Порой она бывала небольшой и резко очерченной на светлом фоне парусов, порой же огромной и смутной. Но всегда, — как клятвенно уверяли все видевшие ее, — всегда это бывала изуродованная шестипалая рука капитана Хайфлита, с протянутым вперед указателем на палец! Ее видели и перед наступлением рассвета и через час после заката, пока последние красные полосы зари еще бороздили вечернее небо.

— Это становится любопытным! — заметил Тербридж однажды вечером. — Если бы меня уверяли в этом один-два человека, я считал бы это галлюцинацией. Но раз все поголовно видели эту руку, чем же это объяснить? Ведь вы тоже говорите, что видели ее?

— Да, сэр, один или два раза! И Грешэм также. Однако... я предполагаю, что это была просто игра света и тени.

— Вот именно. Расскажите мне, как она явилась вам?

— Сначала показывалась неясная огромная тень. Потом она становилась более отчетливой, окруженной какой-то странной жуткой бахромой света... Затем внезапно уменьшалась, чернела, словно приближалась ко мне и складывала пальцы... и исчезала.

— Понимаю! Забавно, что я еще не видел ее, не правда ли? Конечно, она появляется только ночью. На нашем месте, Биггер, я приказал бы приналечь на брасы. Нам бы следовало держать покруче.

— Есть, сэр! — Биггер покинул полуют, вызвал вахтенных и стал отдавать им приказания. Вахтенные бодро и звонко перекликались, лагая по снастям, когда капитан Тербридж вдруг увидел тень руки. Он протер глаза и расхохотался. Тень колыбалась над его головой так, как описывал Биггер: громадная, бесформенная, похожая на человеческую руку. Она исчезла только затем, чтобы вновь появиться яснее и со светящимся сиянием по краям.

Тербридж снова протер глаза, но когда он опять взглянул вверх, рука все еще была там, хотя и стала меньше. Внезапно она резко скользнула вниз.

До Биггера донесся дикий крик и звук торопливо бегущих ног. Потом послышался тяжелый грохот, после чего раздались ужасные стоны.

— Принесите свет! — закричал он. — Какой-то проклятый идиот свалился в люк.

Грешэм притащил лампу. Тем временем Биггер уже успел наполовину добраться вниз по лестнице. На конце браса спустили в люк лампу.

— Господи! Да это шкипер! — Биггер нагнулся над распростертым на полу трюма стонущим телом. — Эй, кто-нибудь, спустите сюда! Грешэм, подайте веревки и парусину, чтобы поднять его вверх. Он разбился вдребезги.

должен был жениться... Он отбил ее у меня... Я думал, что она вернется ко мне, когда... О-о-о, какая мука!

Настало зловещее молчание, наполненное лишь свистящим, kloкочущим дыханием умирающего. Вдруг он выдал хриплый полу-смех полу-стон.

— Чертовски умно! Вы не можете отрицать этого, капитан Хайфлит? О, я хорошо все обдумал! А этот нож,

Г. Филдинг

— Она... она не схватила меня!...

Биггер приподнял залитую кровью голову шкипера, тот открыл потускневшие глаза. Упав на ребро железного скрепа, он сломал себе позвоночник.

— Она... она не схватила меня!... — с трудом пробормотал он. — Я оказался быстрее ее... Она пыталась... Но я обманул ее. Почему это стало так холодно, Биггер?

Он продолжал уже беззвучно, шевелить губами, потом потряс сжатым кулаком в воздухе и пронзительно взвизгнул: — Ей не удалось схватить меня! Она... Боже! Вот сла снова, снова тут! Укройте меня от нее, Биггер... Да укройте же, будьте вы прокляты! — В углах его рта показалась пена. Он тяжело закашлялся и застонал.

— Я весь разбился... на мелкие куски... И это к лучшему, может быть... Выпустите Христофорсена, он невинен... Это я... из-за этой девушки, на которой он

что я забросил через вентилятор в парусный ящик, чтобы навести Христофорсена на мысль о самоубийстве, чертовски умно! Снимите же с моего горла эту руку... Она... душит меня, а-ах!

Он издал шипящий звук, и его голова грузно свесилась на плечо Биггера.

Уложив мертвеца на его койку, Биггер вошел в свою каюту и вынул из кармана маленький электрический фонарик. Осторожно соскреб с чечевицы крошечный клочек бумаги, вырезанный в виде изуродованной руки. Его-то тень, отбрасываемая на белизну парусов, и была тем призраком, который приводил в ужас всю команду «Донегалия».

— Удачная выдумка! — проговорил он вслух, убирая фонарик в ящик стола.

КТО ПОДЖЕГ?

В окрестностях одного из западных городов Америки несколько лет тому назад стояло одно большое здание, занятое удивительной коллекцией восковых фигур. Богатый владелец этого своеобразного музея завещал его своему родному городу, но этого щедрого дара город так и не получил. Когда вдовец-миллионер праздновал восьмидесятилетие дня своего рождения, вся коллекция была уничтожена пожаром.

Как зародилось в нем увлечение восковыми фигурами, которое в конце концов стало трагедией его жизни, это лучше всего передать его собственными словами.

— Когда я разбогател, — говорил он одному из лучших агентов, Сельвину Бэртогу, — то должен сознаться, что мною овладело некоторое тщеславие, всюду фотографировался и везде заказывал свои портреты. Полученные изображения меня не удовлетворяли. Ни фотография, ни художник не говорили мне правды и я только в зеркале узнавал самого себя.

— Они всегда немножко прикрашивают, — ухмыльнулся Бэртог.

— Дело не только в этом. В частности вспоминаю, как сильно задевали помещаемые на меня в газетах каррикатуры. Мои друзья и знакомые клялись, что они мастерски передают мои характерные черты, я же не находил в них и самого отдаленного со мной сходства; но в карикатурах того же самого художника на моих знакомых я сразу же улавливал полное с ними сходство. Как вы это объясняете, Бэртог?

— Довольно просто. Нашим знакомым мы видны разом со всех сторон, самих же себя мы видим обычно в зеркале только спереди.

— Да, к тому же выводу пришел и я, а потому охотно согласился на предложение одного скульптора вылепить мой бюст. Но и хороший бюст не удовлетворил меня: он был бронзовый, а ведь моя голова не из бронзы сделана. Тогда-то и зародилась во мне мысль о раскрашенной восковой модели.

— Однако, вы были изрядно заняты собой, мистер Фестерс!

— За что и наказан Бэртог! Мне сказали, что простой итальянец, который чистил в нашем городе улицы, хорошо делает восковые фигуры. Я и позвал его. Он сделал прежде всего мою голову и сделал ее настолько точно, что я узнал, наконец, на кого я похож; о поразительном сходстве говорили не только взрослые, но и дети, которые в таких случаях лучшие судьи. Я заказал тогда итальянцу вылепить фигуру во весь мой рост.

— А как его фамилия?

— Морани.

— Он жив еще?

— Нет, он умер, на свое счастье, перед этим сердцем.

— Понимаю. В вашей коллекции были и его модели.

— Его модели! Да девяносто из ста принадлежали Морани. Когда изображавшую меня восковую фигуру он одел в мое платье, то получилось изумительное сходство. Если ко мне заходил знакомый, еще не знавший о существовании фигуры, то я прятался в передней и видел отсюда, как он с протянутой рукой подходил к моему восковому изображению. Конечно, это была детская забава, Бэртог, но ведь у меня не было детей. Этот успех и внушил мне

дальнейшую мысль — заказать Морани фигуры наших видных американцев. Ни один из них

не отказался позировать, и вскоре у меня составилась коллекция, не помещавшаяся уже в моем доме. О дальнейшей

пойдем вы сами догадывайтесь. Я ухлопал полмиллиона долларов на постройку особняка

и назвал его «Палатой славы» и заставил Морани работать над фигурами не только моих современников, но и великих деятелей прошлого. Видели вы когда-ни

будь мою коллекцию, Бэртог?

— Нет! Но ведь у вас были также фигуры уголовных преступников, убийц и т. д.?

— Да. Великие люди были в конце концов

исчерпаны и я задумал тогда создать еще особую «Палату беславия». Морани взял за

видных преступников, которым пришлось усесться на электрический

стул.

— Очень любопытно, м-р Фестерс! И ваш музей был застрахован.

— Да, потому-то я и нуждаюсь теперь в вашей помощи, Бэртог.

— Застрахован в миллион долларов, м-р Фестерс. Это кругленькая сумма за коллекцию восковых фигур и за построенное двадцать лет тому назад здание, которое само обошлось вам только в половину застрахованной суммы.

— Это верно. Мне известны уже все толки и пересуды на этот счет и я должен переносить их. Ну да ладно! Кроме восковых фигур у меня было еще собрание картин и ценных реликвий, оставшихся после исторических деятелей Америки. Страховое общество прекрасно знает, что обязано возместить только подлинную стоимость погибшего.

— Есть у вас каталог этих картин и реликвий?

— Вот он.

Бэртог взял маленькую книжку в изящном переплете, постукал ею о свой подбородок и принялся глядеть в окно

— Повторяю, Бэртог, я крайне нуждаюсь в вашей помощи.

— Чтобы снять с себя всякие подозрения?

— Вы знаете, что здесь не моя вина. Газеты протрубили, что я понес недавно крупные потери на бирже. И это верно, но моего состояния хватило бы и на более значительные потери.

— Я знаю это, — ответил Бэртог, задумчиво поглаживая свои усы. — Полагаю, что сумею заставить страховое общество уплатить вам всю сумму.

— Оно-то уплатит — воскликнул м-р Фестерс, — но эти деньги не удовлетворят меня. Ведь если не выяснится причина самого пожара, то на меня будет брошена тень подозрения и до конца моих дней...

— Развалины ничего не говорят, — прервал его Бэртог. — Остатки пожара обычно молчаливы. Впрочем, я опрошу еще двух пожарных. А Морани ведь умер? Но взгляну тогда на его могилу. А пока до свидания. Не посылайте за мной до завтрашнего утра.

Бэртог надел шляпу и на улице взялся за руль своего автомобиля. Он направился в родной город м-ра Фестерса и расспрашивал здесь о дороге к кладбищу.

* * *

Этой же ночью Бэртог сидел один, в комнате отеля на пятнадцатом этаже и заносил в записную книжку свои соображения.

— Имеются три возможности: 1) виновен Фестерс, 2) несчастный случай и 3) неизвестный третий человек. Мог ли пойти на поджог Фестерс? Мог, ибо убитки на бирже заставили его пожалеть о своем щедром подарке. К тому же только он и был в музее, когда во вторник вспыхнул пожар. А именно вторник и был оставлен Фестерсом для себя и своих знакомых, посторонняя публика в этот день не допускалась. Двое пожарных его сильно подозревают. Он один вошел в «Палату бесславия», а пожарные уверены, что именно здесь занялся огнем.

Но если поджег Фестерс, неужели он рассчитывает, что я за его деньги смогу доказать всему миру его полную непричастность к пожару. Ведь он и сам не дурак, да и меня за дурака не считает. Впутал ли бы он меня в дело, если бы был виновен? Нет, не думаю.

Пожар мог вспыхнуть и в результате какого-нибудь несчастного случая. Но кто бы мог уронить хотя бы спичку в тот день, за исключением Фестерса и его двух пожарных? Пожарным было строго запрещено курить в самом музее. Вот почему один из них и был в передней, когда вспыхнул пожар. Но может быть Фестерс составил закуренную папиросу в «Палате бесславия»?

Бэртог перестал писать и на минуту задумался. Он соображал, что Фестер не курил, когда он беседовал с ним, да и ему не предлагал ни сигары, ни папиросы. Бэртог взялся за телефон.

— Говорит Бэртог. Вы курите?

— Нет, я никогда не курил.

— Спасибо. Простите за беспокойство.

Бэртог вновь принялся записывать в своей книжке.

— Фестерс не курит; следовательно, если он оставил спичку, то сделал это умышленно. Но была-ли это спичка? Пожарный говорит, что слышал какой-то внезапный взрыв, а когда он бросился в самый музей, то столкнулся с пламенем и густыми клубами дыма, валившими из «Палаты бесславия». В течение трех минут ничего нельзя было рассмотреть из-за дыма. Похоже на зажигательную бомбу с широким кругом действия.

Но если Фестерс здесь не при чем, а говорить о несчастном случае не приходится, то кто же преступник? Ведь не покойник же Морани! Правда, существует еще Морани-младший, который продолжал дело своего отца и успел изготовить до полдюжины последних фигур. Но у него мог быть только один мотив: надежда на контракт для восстановления всей коллекции. На самом же деле, из моего с ним разговора я отлично понял, что к легкой фигуре он не чувствует большой склонности и, страстно желая вернуться в Италию, готов скорее позубоскалить над результатами пожара. Я уверен, что он подозревает здесь Фестерса.

Ну, а пожарные? Один вполне доказал свое алиби и оба они далеко не в радостном настроении, что лишили спокойного места. Немыслимо допустить с их стороны злой умысел, хотя один из них и мог быть послушным орудием Фестерса. Следует выяснить их теперешнее финансовое положение и образ жизни за последнее время.

Однако, не исключена возможность и того, что дело сделано кем-либо и помимо Фестерса и его пожарных. Ведь кто-нибудь еще мог иметь зуб против Фестерса или против одного из пожарных и даже против обоих их. За малые ошибки иной раз расплачиваются очень дорого. Итак, возможно существование еще и третьего лица, но пока на подозрении Фестерс.

Бэртог отложил перо и вынул из своего кармана каталог погибшего музея. Он быстро перелистал страницы восковых фигур и пристально изучал лишь предметы, связанные с американской историей. Там были цепи Вильяма Пенна и даже Вальтера Ралея, грамота Плимутской Компании, любопытные документы о возникновении табачной промышленности, всевозможные письма исторических деятелей и самые первые почтовые марки почти всех стран. Уже одно собрание первых американских газет представляло собой большую ценность.

Бэртог с явной досадой поглаживал свои усы. Фестерс безусловно не мог сознательно пойти на уничтожение столь редкого и ценного собрания. Он был настоящим американцем и согласился бы скорее голодать, чем расстаться с подобными вещами. Правда, он мог заблаговременно вынести их еще до пожара, но это была бы крайне рискованная игра. На всякий случай, впрочем, не мешает разузнать, не найдется ли где-нибудь у Фестерса кое-каких небольших вещей из его коллекции.

На следующее утро Бэртог еще раз заглянул к Фестерсу. Он попросил на этот раз сигару, которая и была ему предложена.

— Я держу их для моих знакомых, Бэртог, — заметил он.

— Совершенно верно, сэр! Ведь и свою коллекцию вы для них же держали. А теперь скажите мне, м-р Фестерс, имелся ли в вашем собрании редкостей какой-нибудь очень ценный предмет, небольшой и легкий, который мог бы натолкнуть на воровство, а затем и на пожар, чтобы замести все следы преступления?

— У меня не было, Бэртог, такого предмета, за который вор мог бы тайком получить изрядный куш. Правда, какой-нибудь коллекционер мог позариться на ту или иную редкость, он мог и украсть ее, но наслаждался бы ею он лишь в полном одиночестве. Показать ее кому-нибудь другому он никогда бы не решился.

— Значит, не было ни ценной безделушки, ни какой-либо дорогой художественной вещицы, которую можно было бы изменить, скажем, согнуть как-нибудь, а затем продать?

— Ровно ничего.

— Вы любили свою коллекцию, м-р Фестерс?

— И как еще любил, Бэртог. Я прямо горю от стыда, что она потеряна для нашей родины.

— Но если догадки газет справедливы, вам удалось все же кое-что спасти, а?

— Ради бога, что вы хотите сказать?

— М-р Фестерс, я пытаюсь лишь помочь вам. Находятся ли в вашем доме какие-нибудь предметы, которые были раньше в музее.

— Да, есть. Я постепенно что-нибудь прибавлял к моему собранию или брал из него. Но, увы, в моих сейфах вы не найдете ничего ценного. Все уничтожено огнем.

Бэртог ясно почувствовал, что тот говорил с полной искренностью. Он видел также, что ему разрешено будет осматривать все и искать где угодно. Но разве мог он судить о ценности какого-либо простого газетного листа? Пусть уж лучше возится с этим делом само страховое общество!

— Это последний каталог? — задал он еще вопрос.

— Да. В нем пропущено лишь несколько последних восковых фигур. Разрешите взглянуть. Да, здесь не достаёт, напр., изображения Джорджа Мартина.

— А другие?

— В точности я не знаю, но Морани даст вам полные сведения. Возьмите каталог и пусть он внесет свои последние модели.

Бэртог еще раз поехал в мастерскую Морани. Здесь он встретил огромную толпу. Мастерская сгорела этой ночью.

Три часа спустя Бэртог вновь был у Фестерса. Старик был почти в полном изнеможении.

— Вы слышали о пожаре? Это прямо-таки ужасно. Не охотится ли за нами какая-нибудь шайка и не на очереди ли теперь мой дом?

— Не тревожьтесь, м-р Фестерс. Все кончено и преступник уже в моих руках!

— Вы поймали его?

— Ясно. Я был бы глупым щенком, если бы не нашел его после пожара у Морани. Вы понимаете, м-р Фестерс...

Но преступник! Вы говорите, что схватили его. Где же он?

В соседней комнате. Не волнуйтесь, он не убежит, так как и сам хочет повидать вас. А теперь разрешите изложить мне всю историю, чтобы вы знали какими глазами смотреть на преступника. Я все время подозре-

вал, что в деле мог быть замешан кто-либо, кому не нравились ваши восковые фигуры. Поверьте, всегда найдутся помешанные люди, готовые спалить весь музей, если им покажется, что фигура у Христофора Колумба слишком коротка или черезчур толста. Но искать такого человека было бы глупо. Тогда я начал думать о вашей «Палате бесславия» с ее фигурами преступников, угодивших на электрический стул. Ведь кому-либо из их родственников ваше собрание могло серьезно не понравиться.

— Бэртог, мне и в голову никогда это не приходило.

— Мне пришлось и я сделал из этого предположения все нужные выводы. Снесясь с полицией, я получил все сведения о всех печальных героях вашего музея. У некоторых оказались родственники, которые могли пойти на это, то они что-то слишком долго ждали, чтобы их можно было подозревать. Затем, я узнал от вас, что трое последних преступников в ваш каталог не попали. Отправился к Морани и нашел его мастерскую также уничтоженной пожаром. С какой целью? Морани был прямо в истерике, но я все же узнал от него, что он сделал две фигуры, не занесенные в каталог. Одна из этих фигур, уже законченная, находилась в его мастерской во время обоих пожаров. Гаффней — такова была фамилия того, с которого Морани вылепил свою последнюю фигуру.

— Гаффней! Да ведь он из нашего города и здесь же совершил свое убийство. Многие держали его сторожу и пытались спасти его.

— Я в газетах читал об этом убийстве, м-р Фестерс, а потому и направился к дому Геффнея. Там я и схватил преступника, которого, я думаю, теперь вы можете увидеть.

Бэртог вышел из комнаты и вернулся с юношей, на вид не более 16—17 лет.

Фестерс смотрел на него в глубоком изумлении. — Этот, этот мальчик?!

— Да, я сделал это, — спокойно подтвердил вошедший. — Вы поставили моего отца в «Залу бесславия». Мой отец был хороший человек, это знает моя мать, это знают мои братья и сестры. Мой отец убил, но он был вынужден к этому, и я не хочу, чтобы мой отец был выставлен на посмешище разного сброда. Джим Гаффней был хороший человек и я тоже Джим Гаффней, понимаете? Я через окошко проник в ваш музей и оставил в нем бомбу, которую одолжил мне один парень. А вчера утром мой братишка, Джо, высмотрел фигуру отца еще в мастерской у Морани, и я понял, что мое дело еще не закончено. А потому я облил его мастерскую керосином и поджег. Вы можете убить меня, но я рад, что сделал это.

Наступило долгое молчание.

— Боже милостивый, Бэртог! Что же делать?

— Вы можете задержать его или отпустить с миром. Если вы арестуете его, он надолго будет вычеркнут из жизни, хотя его семейство и будет нуждаться в нем. Но если вы отпустите его, вы сами навсегда останетесь под подозрением.

И снова долгое молчание.

Целый вихрь противоположных дум и чувств пронесся в душе старика. Недавний страх от нового пожара, живая и еще острая горечь от погибшего музея, тяжёлая злость от всех сплетен и злостных намеков газет. И вот эта спокойная уверенность преступника в своей правоте. И вдруг он разом понял, понял отчетливо и ясно, что иначе не мог поступить сын, который дорожил памятью своего отца. И все-же:

— Бэртог, уведите его, и... и... арестуйте. Уходите-же скорей!

КОЛИЧЕСТВО ПОЧТОВЫХ МАРОК

Многие люди бросили собирать марки потому, что с мировой войны число вновь выпускаемых марок так колоссально увеличилось, что невозможно их всех собрать. С другой стороны, появилось много новых коллекционеров, т. к. теперь каждый имеет возможность собрать большее количество марок. С момента их первого появления (в 1840 г.) до мировой войны

было выпущено круглым счетом 30.000 разных марок, а с мировой войны до нашего времени приблизительно 20.000. До войны, каждый год появлялось в среднем 400 новых марок, после войны появляется 666.

За таким выпуском не поспеть ни одному коллекционеру. Поэтому многие и специализировались на отдельных странах или областях.

Рассказ П. В. ТУЧКОВА.

Рисунки К. РУДАКОВА.

Лента, изгибаясь как змея, ползла из аппарата, а телеграфист, комкая ее в руке, медленно читал: Банда... Махно... численностью... 600 сабель... пулеметах... заняла... 15 часов... Луповский... сахаровод... убит... Тут он нажал ключ и стал выбивать, злобно ударяя по рычагу — прося повторить со слова «убит».

Треск аппарата нарушал тишину комнаты телеграфа. В открытое окно лился яркий свет луны. Ногин сидел на подоконнике и смотрел на пустую улочку уездного городка, с деревянными троттуарами, палисадничками перед уютными белыми домиками, тонувшими в зарослях цветущих акаций и сирени. Легкий ветерок, пробега по трепетавшей листве, приносил пряный аромат цветов, кружа усталую голову и отвлекая мысли от сводок, донесений, от всего того, что напоминало о смерти и разрушении.

— Товарищ Начштаба! Донесение Лютеньского исполкома.

Ногин вздохнул и подошел к аппарату. Сообщение было серьезное: Махно, проскочив между преследующими его отрядами, громил сахарные заводы. Нужны были срочные меры. Ногин пошел будить Комдива, спавшего на столе в соседней комнате.

Хмуро глядя на карту, всю исчерченную красным карандашом, Комдив Кодин молча слушал соображения Ногина о возможных намерениях Махно и передвижении отрядов.

— Все это прекрасно! — сказал он, подняв голову и устремив взгляд на оплывавшую свечу, пламя которой трепыхалось от тянувшего из раскрытого окна ветерка. — Все это так! — повторил он, барабанив короткими пальцами крепкой рабочей руки с сильным трауром под ногтями, что бессознательно заметил Ногин, отведя глаза от карты и играя карандашом. — А только опять он проскочит, как под Тернами. Нужны машины, чтобы гнать его, не давая отдыха!

— Для машины нужны дороги, а он целиной идет, — устало возразил Ногин, рисуя женский профиль на клочке бумаги. — Тут нужны внезапность и хорошая агентура.

— Да, это верно! — вздохнул комдив. — Наступило молчание. За окном в саду щелкнул и рассыпался гремя соловей, там за стенами телеграфа неистовствовала украинская ночь, полная чарующей прелести, зветлая, как день, напоенная ароматом белой акации и сирени.

— А что, если проделать такую штуку? — стукнул кулаком Кодин. — Вот, послушайте! — Оба они склонились над картой.

Городок спал глубоким сном. Только ночной сторож у склада, да задремавший милиционер, вскочивший

при шуме мотора, видели, как в подъехавший к почте автомобиль сели двое военных; щелкнула дверца и машина, фыркнув, нырнула за угол.

— Через час с небольшим будем в Васильевке, — сказал Ногин, смотря на часы. — Это будет два ночи, к четырем на рысях можно подойти к переправе, а ее Махно не минует: брод только в одном месте. Лучшего плана не придумать.

— К четырем на переправу? — крикнул комдив, одевая через плечо маузер.

— Нет, Агапов у меня к половине там будет. Эти его штуки с переутомлением коней мне не нравятся, просто парень Махно остерегается, момента ловит...

Автомобиль гукнул, разорвав тишину ночи и, резко повернув, обогнул телегу с волами. Мелькнули рога, белая свитка дядько и опять побежали мимо уснувшие домики, сады, пустыри. Спуск к реке и ровный ход по мосту. Стало свежо. Поверхность воды затянуло туманом; он клубился, цепляясь за прибрежные ветлы и камыши. За мостом пошел шлях широкий, как проспект, обсаженный столетними дубами, но чем дальше от города, тем меньше было этих немых свидетелей большой дороги. Ехали молча, только глухой шум мотора нарушал тишину бесконечных полей. Вот далеко-далеко заколыхалось, как марево, багровое пламя, оно медленно тянулось столбом к небу, то вдруг яркими бликами раздавалось в ширь, то как бы гасло окутываясь черной завесой дыма.

— Не Луповский? — кивнул Кодин в сторону пожара.

— Нет, это ближе! — ответил Ногин, смотря на часы. — Сейчас должна быть Васильевка.

***

Не прошло и пятнадцати минут с отъезда автомобиля, как в сад, примыкающий к уездной почте, прелезло несколько человек. Они осторожно стали пробираться к освещенным окнам телеграфа, избегая открытых мест. Вот одна фигура мелькнула у самого здания и осторожно заглянула в окно. Телеграфист, откинувшись на стуле, мирно похрапывал; у двери на столе спал сторож. Человек тихо впрыгнул в комнату и, направив револьвер на спящего телеграфиста, махнул рукой. Через минуту еще четверо были в помещении телеграфа. Звук задетого стула разбудил сторожа. Он приподнялся, но сейчас же упал обратно — удар обрезом раскроил ему голову.

Телеграфист, подняв руки испуганно смотрел на ночных гостей, внешний облик которых не оставлял сомнения в принадлежности их к махновцам: обреза,

Вот одна фигура осторожно заглянула в окно.

гранаты, ленты с патронами под свитками, галифе из каракуля.

— Ну ты, ворона! Выкладывай, где полевой штаб, где комдив? — злобно шептал высокий человек в синих

шароварах и черной кримке, тыча дулом нагана в лицо обмершего телеграфиста.

— Нет их, уехали! — пробормотал тот.

Когда?

— Только что, минут двадцать.
 — Куда? Зачем? Говори, пока цел!
 — В Васильевку... А зачем не знаю... — трясся Зедняга.

— Смотри! — грозно сказал длинный. — Говоришь с Хмарой, с живого шкуру сдеру!

Дело выходило совсем скверное. Хмара — командир волчьей сотни Махно, славился своей жестокостью. В прошлом казачий офицер, он потерял все: состояние, отца, убитого в имении, жену, пропавшую при очередном наступлении — теперь ему терять было нечего и гулял он с Махно по большим дорогам Украины, сея смерть и разрушение.

Звериную ненависть нес он в сердце своем и только пуля или веревка ждала каждого, попавшего в его руки. Жуткие рассказы о жестокости Хмары ходили по всей правобережной Украине и горькая смерть ждала его, попадись он в руки озлобленных красноармейцев. Живым сварить его в походной кухне — клялись они... Знал это Хмара и избегал встреч с гнавшими Махно отрядами, но коли сталкивался, жарко дрался и немало ложилось народу с обеих сторон. Верил крепко ему батько Махно и прикрывал волчьей сотней тачанку со своей «жинкой». Солоно приходилось последнее время Махно от комдива Кодина: жал тот его сильно, не давал отдыха, как борзыми гнал «истреботрядами». Несколько раз пытался захватить Кодина во время разъездов, да все срывалось, но на этот раз счастье как будто улыбнулось ему — выследили комдива тайные соглашения и донесли: прибыл, дескать, в Млыны и живет на телеграфе, охраны, как всегда, никакой.

Сделал заячью петлю батько, запутал след и кинулся на сахарные заводы, а волчья сотня тем временем, ярами да урочищами, подошла к Млынам — и чуть за клубился туман по низинам и затих городок — пять хлопцев с Хмарой во главе пробирались садами к почте и... «Сорвалось! Из рук ушло!» — злобно кусал себе ус Хмара, роя депеши и ища следов. Тихо в телеграфе шелестит бумага, да мерно стучат капли стекающей со стола крови убитого сторожа.

— Васильевку вызывали? — смахнув бумаги на пол, обратился Хмара к телеграфисту.

— Вызывали.

— А с кем говорили?

— Не помню! — прошептал тот.

— Говори, хуже будет, коль ленту разматываем. Все равно узнаем, а тебе крышка: иначе, как вперед ногами отсюда не выйдешь.

— С Агаповым говорили! — выжал из себя телеграфист. — Сказали, что сейчас выезжают, больше ничего, хоть убейте!

— А, Агапов! — оживился Хмара. — Конный отряд, геперь понятно. Этого молодца связать и через забор в кусты! — мотнул он на телеграфиста. А ты, Грицко, вызывай Васильевку.

Грицко, вихрастый бандит с провалившимся от цурной болезни носом, уселся за аппарат и бойко застучал.

— Я, Васильевка! — прочел он на ленте. Вопросительно взглянул на Хмару.

— Вызвать аппарату командира отряда товарища Агапова, комдив Кодин! — продиктовал тот.

— С... и... ю... — прочел Грицко ответ Васильевки — Сейчас придет! — пояснил он, нажимая ключ. Хмара набросал несколько строк на телеграфном бланке и вручил записку одному бандиту, приказав, как можно скорей доставить ее в яр и передать сауду. Прошло несколько томительных минут, в те-

чение которых четыре пары глаз не отрывались от аппарата, так как от ответа Васильевки зависел успех авантюры. Но вот стрелка колыхнулась и аппарат заработал. — А...п...а...р...т... Агапов — прочел Грицко. — Передавай! — диктовал Хмара.

— Аппарата Комдив... Обстановка изменилась, немедленно выступайте Каровинцы, Махно Ермолинцах. Кодин. — Через минуту аппарат заработал ответно: — Ожидал вас, кони поседланы, выступаю сию. Агапов. —

— Добре! — осклабился Грицко, прочитав ответ.

— Ну, время дорого, гайда хлопцы до коней и в яр! — и с этими словами Хмара выскочил в окно. Бандиты последовали за ним и скрылись в зарослях сада.

— Что за чорт! — удивлялся Кодин, вылезая из автомобиля у исполкома и оглядывая широкую, пустую улицу села Васильевки. — Куда же делся Агапов?

— Эскадроны стояли тут, по навозу видно, — сказал шофер, разминая ноги. — Видно ушли куда.

— Что он не понял, что ли? — говорил Кодин, стуча в дверь исполкома. Дверь долго не отворяли. Наконец, заспанный парень откинул засов и, опасливо оглядывая ночных посетителей, спросил.

— Кого нужно?

— Я командир дивизии, где начальник стоящего здесь отряда?

— Отряд ушел на Каровинцы! — ответил телеграфист, пропуская Ногина и Кодина в комнату. Кодин опустился на табуретку и несколько мгновений молчал, пораженный этой новостью.

— Кто приказал? бешено закричал он, стукнув кулаком.

— Приказание было от вас.

— Как от меня? Вызывайте Млыны!

Телеграфист сел, постучал, еще постучал и, обернувшись к комдиву, сказал:

— Млыны не отвечают.

— Дело — табак! — обратился Кодин к Ногину. — Что нас ловят, так это ерунда, а вот отряды они могут в оборот взять, это скверно.

— Надо действовать! — оживился Ногин. Борьба была его стихией. «Только при наличии опасности человек может вполне осознать радость жизни» — говаривал он, когда ему указывали на риск разъездов без охраны. — Вот мой план! — продолжал он. — Бандиты, устроившие эту штуку, для успешного проведения задуманного, разделятся на два отряда; один пойдет сюда по дороге от Млын, другой, выйдя напрямик на шлях Каровинцы-Васильевка, повернет сюда же. Таким образом, они захватят нас в петлю. Из Васильевки на автомобиле нам только и можно ехать на Каровинцы, или обратно в Млыны, т.е. в их объятия. Но не ехать нельзя, так как при создавшейся обстановке управление отрядами необходимо. Один из нас — вы или я — должны остаться жить, а другой — как сложится. Я предлагаю: вам остаться скрытно в Васильевке, а я еду сейчас же в Каровинцы, ибо времени думать нет. Вашу шинель дайте телеграфисту. Он со мной до околицы, — в селе и ночью найдется глаз, а сами исчезайте до поры до времени. Отряд из Млын сюда зайдет на минутку, для проверки правильности своих предположений, и узнав об отъезде нашем, пойдет на Каровинцы, чтобы перехватить нас, если мы повернем обратно. А вы, тем временем на коня и дуйте в Млыны. Конечно, по дороге опасно, придется объездом, но время у вас будет. Я для того и еду в Каровинцы!

— Дело! — коротко сказал комдив, скидывая шинель. — Шпарьте. Вот вам маузер, пригодится! — Они поцеловались и Ногин с телеграфистом сели в автомобиль.

— Ну, Ивков! — бодро крикнул Ногин шоферу, — дайте свет и полным ходом в Коровинцы! Да гукните, как следует, чтобы слышали, кто нами интересуется.

Машина заревела и с шумом понеслась по широкой, как площадь улице Васильевки, сопровождаемая бешеным лаем собак. Сторож у церкви снял шапку и долго смотрел вслед скрывшемуся автомобилю. Потом поднял доску и застучал. На селе пели петухи.

Как предполагал Ногин, как и вышло. Только что улеглась пыль, поднятая автомобилем, как залились собаки за греблей у мельниц, дробным гулом наполнилась ночь и с разных улечек и проходов стали выскакивать конные.

— Да они потекали, о побач! — сказал один бандит, нагнувшись с седла и указывая на след автомобиля. Через минуту на площадь влетел с шашкой наголо Хмара. Конь под ним весь был в мыле, богатая наборная уздечка поблескивала в лучах луны. — Что, удрали? — крикнул он, осаживая коня.

— Пошарить и разузнать! — коротко приказал Хмара и, соскочив с коня, вошел в открытую дверь Исполкома. Там было пусто. Телеграфист не рискнул вернуться обратно и предпочел залечь в картошку.

— Все удрали! — усмехался Хмара, оглядывая пустые комнатки. — Смахнуть эту штуку! — указал он на телеграфный столб. Один из бандитов грохнул табуреткой по аппарату. — Ну, делать нам тут нечего, по коням! — крикнул Хмара, выходя на крыльцо. В это время к нему подсакал верховой и сообщил, что сторож у церкви и несколько верных дидков видели, как проехала машина на Коровинцы с тремя седоками.

— Ладно, не уйдут! — процедил Хмара, разбирая

поводья. — Передай, чтобы дозорные в поле лучше смотрели, если проворонят, то и головы свои упустят Рысью!

Банда унеслась.

Недалеко спрятался комдив. Куда пойдешь ночью? Знал он, что в селах, когда нет близко красных частей, власть имущие дома не спят, опасаясь налета бандитов. Залез Козин на чердак и зарылся в солому.

Пережил он несколько неприятных минут, это правда! Жутко, ведь, слышать человеку, как его ищут, чтобы укоротить на голову. «Но ничего не поделаешь, борьба!» — шептал он, сползая с чердака, когда все утихло. Достать коня было труднее.

— Беда! — скреб себе затылок знакомый дядько, выслушав комдива. — Конь-то у меня в поле, разве у кума! — и он исчез. Плакал ребенок в избыке, на печке кто-то испуганно перешептывался и вздыхал. Через несколько минут под окном зазвякали подковы и комдив вышел во двор. Луну затянуло тучами, стало темно. Дул предвечерний ветерок, надо было торопиться. Дядько вместо седла положил сложенное в несколько рядов и Козин вскочил на рослого жеребца. Хозяин взял коня за повод и вывел его огородами в степь.

— Ну, — сказал он, прощаясь, — теперь все прямо, а как упретесь в шлях, берите правую руку.

Выехав за село, Ногин отпустил телеграфиста, пересел к шоферу и автомобиль с потухшим светом понесся навстречу неизвестному. Свет луны достаточно освещал дорогу, которая серой лентой уходила в зеленоватую даль.

— До Коровинц сорок верст, — размышлял Ногин. — Где они могут перерезать нам дорогу? Должно быть у Середняков — это село ближе всего на прямой к Млынам.

— Как дорога у Середняков? — обратился он к шоферу. — Не помните?

Машины матнуло, но она прелетела

— Дорога вся хороша и мостов нет, — ответил тот. — Коль баррикад и канав не устроят, так ничего Машина в порядке, за колесо рукой не остановят.

— А что, если бросить машину и попробовать пробраться в Коровинцы полями? — предложил Ногин, которому жаль было тащить за собой в яму шоффера. Тот махнул рукой. — Хрен редьки не слаще, кругом хутора, а хозяева первые помощники бандитов. Сами прирежут в лучшем виде и концов не найдут. Нет уж, нажмем, авось проскочим, а что постреляют, так ночью еще попади!

Машина неслась, глухо стуча мотором, мелькали поля высокой конопли, вставал стеной подсолнечник, тянуло медвяным ароматом с белых полотен гречихи. Все это быстро мелькало мимо, повторяясь с утомляющим однообразием. Каждый оборот колеса приближал момент гибели или спасения и рука Ногина невольно сжимала маузер. «Живым не сдамся!» — думал он.

Дорога круто повернула и пошла к низине.

— Скоро Середняки! — сказал шофер, накачивая бензин. — Слева конные! — тревожно добавил он и перевел рычаг.

Ногин сам увидел несущихся на перерез всадников. Высокая пшеница затрудняла бег коней. Сухой треск первых выстрелов разбудил тишину полей. За шумом мотора Ногин не слышал их, но по огонькам понял, что стреляют. Усилием воли он подавил в себе липкое чувство страха, охватывающего каждого человека, когда ему в глаза заглянет смерть. Оглянувшись, он увидел темную массу врагов, несущихся сзади. Раз! Два! — нажал он спуск маузера. Автомобиль летел под гору. В долине раскинулись Середняки. В это время шоффер толкнул его локтем и мотнул головой. Впереди метались конные. Задержать несущуюся машину у них не было возможности, но один бандит сообразил; соскочив с коня, он выстрелил ему в голову и тот рухнул на дорогу. Быть беде, но шоффер, как бы угадывая это, взял вправо. Машину мотнуло, но она пролетела мимо группы. В упор загремели выстрелы, хлопнула камера, потекла кровь из пробитой ноги шоффера, но еще работала машина и был шанс на жизнь. Замелькали хаты Середняков, но присутствие их ни на йоту не уменьшало опасности. Жители села могли

быть только пассивными зрителями их смерти. Чем они могли помочь им? «До Коровинц пятнадцать верст!» — подумал Ногин.

На выезде из села у переднего колеса отлетела крышка с пробитой камерой, пошли на обод. Дело ухудшалось, пока брали гору, расстояние между автомобилем и бандитами катастрофически уменьшилось. Ногин выстрелил, в ответ замелькали огоньки и на этот раз не без результата. Ногин почувствовал толчек в плечо, левая рука повисла как плеть, и по ней побежала горячая струйка. Дорога пошла опять в гору. «Не уйти!» — тоскливо думал Ногин, измеряя глазами расстояние до преследователей. «Последний подъем!» — прокричал шоффер, как бы угадывая его мысли. — «Бак не пробьют — уйдем!».

Пули сыпались дождем, они били по кузову, дырявили с треском защитное стекло, курились дымками пыли на дороге. Ногин, прижавшись к стенке сиденья, слал ответные выстрелы. С запада напозла туча — стало темней. Вдруг шоффер, накачивающий бензин, завозился на своем месте и, нагнув к Ногину бледное, перекошенное от волнения и боли лицо, закричал:

— «Бензин теряем, бак пробит, теперь пропали!».

Машина с каждой минутой замедляла ход.

— До Коровинц рукой подать! — хрипел шоффер. — Эх!

И в этом «эх!» было вложено все: обида на непредвиденный случай, горестное разочарование в надежде на спасение, ужас перед надвигающейся смертью, и укор, как показалось, Ногину, лично ему, за рискованную поездку. Машина останавливалась, сзади ревели радостные голоса бандитов, которые, растянувшись вереницей, нагоняли автомобиль. Шоффер, бросив руль, с решительным лицом вынимал наган.

В это время из предзакатной мглы навстречу автомобилю показалась темная масса. Она росла, ширилась и скоро уже можно было различить отдельных всадников.

— Нащи! — заревел шоффер и, обернувшись к бандитам, стал слать выстрел за выстрелом.

Момент... и сплоченная масса всадников, захлестнув автомобиль, потекла мимо, обдавая пылью и глуша криками:

— Даешь Махно!..

ПОРОШОК ИЗ МУМИЙ

Средне-вековые знахари самым целебным средством от кровотечений, переломов, порезов и ран считали порошок, добываемый от мумий. Это «полезное» средство принималось больными внутрь, на вине; его употребляли и как наружное средство «для склейки» порезов и рваных ран.

Знахари Александрии «врачевали» этим средством рыцарей крестовых походов, а эти последние завезли «целительное снадобье» в Европу, где к нему прибегали богатые и знатные, так как порошок этот стоил большие деньги и, разумеется, был не по карману беднякам. Ценился же он не более, не менее как на вес золота.

Короли Франции выказывали к нему особое благоволение. Смешанный с ревенем, он постоянно сопутствовал Франциску I и в дороге, и в битвах. Он служил панацеей при всех недугах и при малейшем недомогании служил лекарством, не только помогающим при заболеваниях, но и предупреждающим его.

Королевские знахари поддерживали изобретение своих африканских коллег, а короли в знак особой «монаршей милости» дарили его щепотку своим верноподданым. Однако, доставать это зелье становилось все труднее. В Египте закон охранял «священный сон» мумий более строго, чем жизнь живых. Спрос скоро далеко превысил предложение и королям пришлось бы умирать без целительного снадобья, если бы не нашлись ловкачи, пожелавшие заработать на глупости потребителей хорошие деньги.

Началась фальсификация мумий в стране фараонов. Вместо знатных покойников пошли в ход умершие арестанты тюрем. Дорогую балзимировку благовыми травами сменила набивка трупов земляным дегтем (асфальтом). Одно африканское солнце работало верно, быстро обращая трупы в камень.

Когда один из лейб-медиков короля Наварры в XVI веке посетил в Александрии одну из «производственных» мастерских для приготовления мумий и порошка, он был оскорблен и взволнован. Королевский порошок изготовлялся из трупов, наваленных в мастерской как дрова в штабеля, при чем самой древней мумии едва-едва исполнилось... четыре года.

Далее выяснилось, что некоторые из арестантов, трупы которых обращались в целительный порошок, умерли от холеры, чумы, проказы и других заразных болезней. Фабрикант, высоко ценя свой товар, поспешил рассеять страх лейб-медика, уверяя, что после набивки асфальтом и просушки мумию нельзя отличить одну от другой и целительную силу порошка несколько не ослабляет ни чума, ни проказа.

Несмотря на разоблачения лучших представителей медицины, чудодейственная сила «королевского порошка» продолжала действовать над темными умами вплоть до XVIII века.

В Аравии и до сей поры лечатся порошком от мумий, называемым «мантией», считая, будто бы, что это снадобье является единственным при переломах и кровотечениях.

Так велика сила вековой глупости и предрассудков!

Рассказ Ф. Доброхотова.

Рисунки И. Колесникова.

Действительное происшествие 1925-26 г.

Восточная часть Нью-Йорка вообще на плохом счету у полиции, а итальянский и китайский кварталы особенно. Китайский квартал не только подозрителен, но и загадочен. Вежливый, предупредительный, цветистый в своей речи, китаец в то же время как-то странен с собеседником, не-китайцем, конечно. Точно какой-то сфинкс сидит где-то в нем и думает совсем противоположное тому, что говорит его хозяин. За последнее же время весь квартал сплошь стал таинственным и кровавым сфинксом.

Началось с маленького. Как-то утром полицейский обнаружил труп китайца. Произвели дознание и установили, что хотя удар ножа и мастерски пришелся между лопаток, но это было дело не итальянских рук, особых по этой части специалистов. Убийцы сумели спрятать концы в воду, почему дознание и остановилось на одном протоколе. Из воды концы может вытащить только случай.

Прошло два или три дня и в квартале обнаружили уже трех убитых китайцев. В этот раз орудия убийства были другие: над одним прошелся увесистый камень, над другим — нечто металлическое, оставившее хороший след на затылке с лопнувшим черепом, а третий был просто задушен. Полиция оживилась. Если попадается по одному трупу — еще сносно, хоть и через день, но сразу три — это уже не годится. Дознание произвели более тщательное, но концы опять попали в воду.

А дальше пошло как по заказу: то труп, то два, иногда три, и все китайцы. Газеты уделяли китайскому кварталу почти целый столбец, полиция стала энергичней. Но количество трупов менялось, а самое важное — причина убийства оставалась неизвестной.

Пошли разные толки. Упоминали и о трех «К»¹⁾, но это была явная неправда. Прежде всего «ККК» оставляя на убитом свой знак — клеймо, а затем прятаться от полиции им было нечего: они имеют под ногами слишком крепкую почву. В чем же дело? Кто убийцы? Почему?

Что убивали не с целью грабежа, это было установлено точно. Значит причина иная. Только какая?

В китайский и соседний с ним кварталы бросился целый отряд агентов. Инспектор получал точные рапорты, однако, ни один не давал нити, за которую бы можно было ухватиться.

После одной очередной находки трупа сделали строгие допросы его семье, близким и дальним родственникам, соседям и вообще тому, кто подвернулся под руки. И вот тогда-то обнаружили странное обстоятельство: не только посторонние, но и родственники и семья убитого дали столь путанные показания, что инспектор недоумевал. Когда же такая путаница повторилась и при дознании о последующих трупах, то полиции стало ясно, что родственники вовсе и не ду-

мают помогать следствию, а напротив, стараются запутать следы. Взялись было круче — допрашиваемых арестовывали. Однако, результаты не стали от этого лучше.

Полиции уже стала надоедать эта возня с трупами китайцев. Какого там чорта, особенно беспокоиться о желто-косоглазых? И вдруг трупы стали попадаться реже. Инспектор с удовлетворением начал отставать от китайского квартала. Может быть убийства сами собой прекратятся? Но однажды утром ему испортили настроение. Вблизи Бруклинского моста нашли всплывший труп китайца с колотой раной в боку и веревкой, с конца которой видимо сорвался какой-то груз. Со всем неведомыми путями труп совершил недалекое, но очень сложное путешествие из китайского квартала к Бруклинскому мосту. Убийцы, очевидно, решили помочь полиции, избавить ее от лишних хлопот.

* * *

Вместе с полицией китайским кварталом не меньше заинтересовались и репортеры. Они десятками кинулись туда, но обратно возвращались в одиночку, потеряв надежду на солидный гонорар за выяснение таинственных убийств.

То же случилось и с Дженкинсом, репортером нью-йоркской газеты средней руки. Однако, он не совсем забросил китайский квартал, который служил для него постоянным источником небольших заметок.

В итальянском квартале поссорились два природных неаполитанца. И так как под их заключительные расчеты малокалиберными пулями попал случайный прохожий, то заметка у Дженкинса вышла удовлетворительной. Он передал ее по телефону и направился в китайский квартал. Здесь зашел в чайный домик. Снаружи — заурядный серый дом-громадина и только, но внутри чайная явно претендовала на исключительно национальную обстановку. Дженкинс выпил пару крохотных чашек крепкого настоя, поболтал с хозяином, а потом сделал пальцами какое-то странное движение. Хозяин улыбнулся и утвердительно закивал головой. Дженкинс прошел через заднюю комнатку чайной в коридор и здесь толкнул одну из дверей.

Ряд небольших комнаток. На полу — циновки, заглушающие шум шагов. На стенах — то роспись в китайском вкусе, то обивка такой же материей. Небольшие цветные фонарики свешиваются с потолка и льют мягкий полусвет. Диванчики, подушки, столики, одурманивающий сладковатый запах. Откуда-то слабо слышится музыка и тихая однообразная китайская мелодия. Красивые вечерней красотой китайские мусмэ предлагают располагающемуся в комнате трубки с опиумом для временного переселения в небытие, в царство богов, блеска, геройства.

Из бамбуковых трубок медленно вытягивается си- зоватый дымок. Он дает краткую, но чудно радужную

¹⁾ Ку-Клукс-Клан — фашистская организация в С. Штатах.

жизнь в расстроенном мозгу, а после — свинцовое пробуждение. Радужно-ядовитый сон прошел, мимолетный праздник кончился и снова являются неумолимо-каменные будни. И если человек начинает регулярно, как маятник, качаться между буднями живота и праздниками яда, то часовая цепь спускается быстрее и скорее тянет за собой жизнь.

Дженкинс присел в пустой комнатке на низенький диванчик и тотчас же к нему подошла мусмэ с готовым вопросом. Дженкинс взглянул на маленький столик с прибором для курения, отрицательно покачал головой и произнес:

— Хей-Си!

Дженкинс лениво проговорил:

— Сегодня я видел у вас в квартале глупую штуку.

— Что видел, моя радость?

— Один из ваших вез хлеб. Вдруг из ворот выскочили двое и облили хлеб керосином...

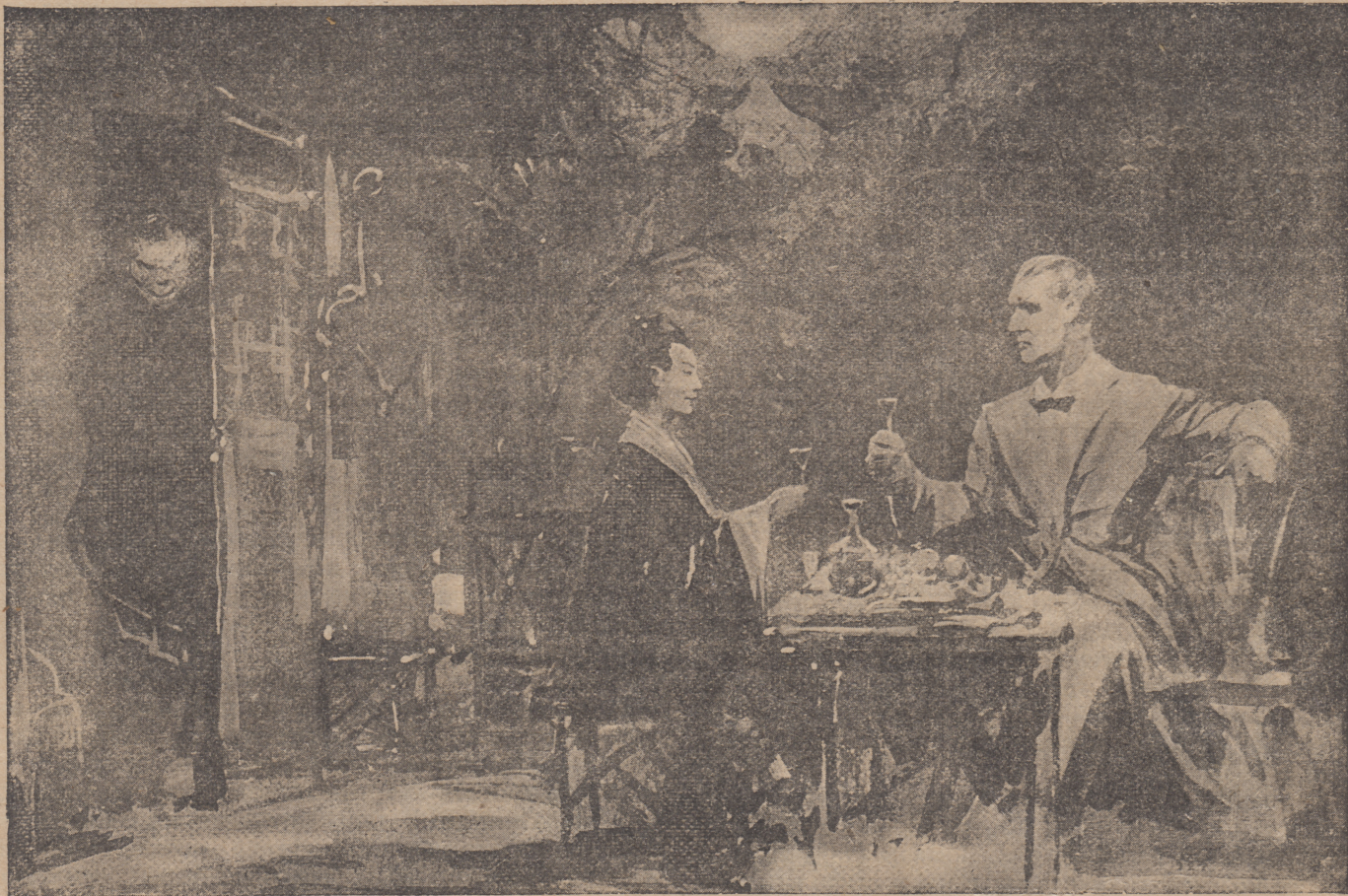
Хей-Си звонко рассмеялась.

— Да ведь это... эти двое Хип-Синг!

Для Дженкинса это было новое слово и он насторожился.

— Хип-Синг?... А тот, который вез хлеб?

— А этот... Он-Лионг... Они хорошо сделали ему...
Опять новое сочетание слогов.

Показалась незнакомая голова китаец.

Мусмэ присела и с поклоном вышла. Минуты через три-четыре явилась другая мусмэ, молодость и свежесть которой были излишне подкрашены косметикой. Дженкинс пожал ее полудетские руки с тщательно отполированными ногтями.

— Здравствуйте, Хей-Си! Я пришел навестить тебя.

Она с улыбкой поблагодарила давнишнего знакомого. Ее знания английского языка были далеко не удовлетворительны, но понятны, так как подкреплялись жестами.

Хей-Си начала рассказывать последние новости опекурильни, но Дженкинс прервал ее, шепнув что-то на ухо. Она приоткрыла дверь, обменялась несколькими словами с другой мусмэ и через некоторое время принесли изящные подносики с графинчиком виски, еще каким-то вином, закусками и сладостями. «Сухой» закон Америки очень сух лишь на бумаге.

Крохотные станчики с крепким содержимым разлились по телу с приятной теплотой и создали благодущное настроение.

Мусмэ болтала, а время шло...

Но Дженкинсу не пришлось сразу же задуматься над этими словами. Дверь медленно приоткрылась и показалась незнакомая голова китаец. На губах застывшая вежливая улыбка, но глаза в полусвете комнаты блеснули чем-то не вяжущимся с улыбкой. Три-четыре секунды и китаец, сделав кивок головы в знак извинения, скрылся за дверью.

Хей-Си ничего не заметила, так как сидела спиной к двери. Дженкинсу же стало как-то не по себе. Он быстро сообразил, что китаец стоял за дверью, а не случайно подошел к ней или открыл ее по ошибке.

Дженкинс около двух лет знал китайский квартал... Он шепнул Хей-Си, что сходит туда, в конец коридора... Она откинулась на диване, а он поднялся, незаметно вынул из жилетного кармана бумажку и опустил ее на подносик. Потом мягким и ловким движением сунул свою шляпу под пиджак и вышел из комнатки. Ему встретились другие мусмэ, он видел курильщиков опиума в разных позах, но того китаец не было. Он хорошо знал опекурильню и выход на двор... А когда очутился на улице, то зашагал крупными шагами к другому кварталу.

Что случилось? Дженкинс еще не разобрался хорошенько, но только чувствовал, что надо было скорее уходить оттуда. Позже он в этом убедился.

* * *

Дженкинса знали хорошо, но все-таки заведывающий хроникой проворчал:

- Вы хотите большой аванс!
- Да, больше, чем когда-либо я брал.
- Имеете в виду что-нибудь?
- Да!

Аванс был выдан и по просьбе Дженкинса его освободили от текущих обязанностей на некоторое время.

* * *

Газета была отпечатана в двойном количестве и, кроме того, типография была готова приступить к дополнительным выпускам.

Сообщение Дженкинса «Разгадка тайны китайского квартала» занимало целую страницу. Весь город увлекся разгаданной тайной и с удовлетворением читал неожиданную сенсацию газеты среднего размаха. Но полиция не особенно хорошо себе чувствовала, а репортеры крупнейших газет еще хуже.

Оказалось, что в китайском квартале шла настоящая междоусобная война. В ней приняло почти поголовное участие все население квартала. Китайцы давно уже разделились на два враждебных лагеря: Хип-Синг и Он-Лионг. Он-лионгцы объединяли крупных торговцев, владельцев китайских банкирских контор и мастерских, подрядчиков и пр. А хип-сингцы — мелких лавочников, разносчиков, ремесленников и т. д. В объединении последних проскальзывало кооперативное течение. Так человек двадцать хип-сингцев складывались по несколько долларов и совместно открывали какую-нибудь лавченку; ремесленники хип-сингцы старались закупать сообща материалы и т. д. Хип-сингцы никогда ничего не покупали у он-лионгцев, никогда не обращались к ним по какому-либо поводу. Он-лионгцы же, в свою очередь, платили той же монетой. Взаимный бойкот был ожесточенный. Дни проходили в словесных стычках и разнообразнейших подвохах: облить керосином товары противника, опрокинуть его корзину и пр. А с наступлением ночи страсти поднимались и кончались они одиночными драками или целыми побоищами, в итоге которых оставались трупы. Родственники же убитых — хип-сингцы и он-лионгцы молчали.

Каждая сторона была так уверена в своей победе, что самым худшим считали для себя вмешательство полиции, которая смогла бы оттянуть или испортить желанный конец. И в этом отношении враждебные стороны были вполне солидарны.

Полиция после газетной заметки принялась за поголовные допросы китайцев. На этот раз они оказались очень словоохотливы и рассказали все мелочи борьбы, но кто кого убивал — этого полиция, конечно не узнала. Массовое дознание очень мало добавило к сенсации Дженкинса. Однако, с появлением газетной заметки убийства прекратились. В чем же дело? Увидели ли себя китайцы разоблаченными или испугались поголовных допросов? — Вовсе нет. Накануне сенсационной заметки между Хип-Сингом и Он-Лионгом состоялось соглашение, по которому первый вливался во второй. Он-Лионг — силен своими капиталами, а Хип-Синг количеством своих членов. Очень возможно, что последний, благодаря своему перевесу численности, надеялся влиять на всю организацию.

* * *

Дженкинс положил на диван большой бумажный пакет, из которого выглянули чудные розы, и присел. С приветом вошла мусмэ. Он сказал:

— Хей-Си!

Что-то неуловимое пробежало по лицу мусмэ.

— Хей-Си нет!

— Нет? Почему? Где же она?

— Хей-Си нет!.. Хей-Си уехала...

Дженкинс пристально посмотрел на мусмэ, потом молча поднялся, взял пакет с розами — ведь они предназначались другой — и вышел.

Хозяин в чайной вопросительно взглянул на него: почему так скоро?

— Скажите, а где Хей-Си?

Как всегда, вежливая улыбка и такой же ответ:

— Хей-Си уехала!

— Куда?

— Хей-Си уехала на родину!

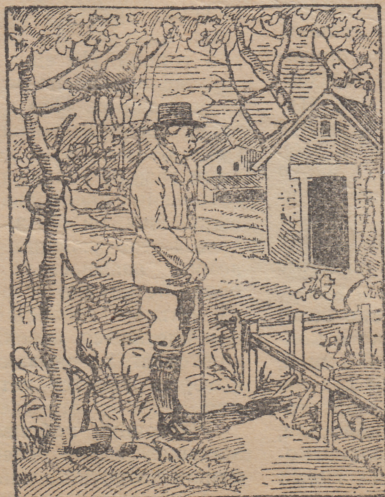
Дженкинс ушел. Спрашивать дальше не стоило, но он знал, что китаец врет. Неделя поисков была безрезультатной. Когда Дженкинс, казалось, находил искомую нить, сейчас же появлялась стенка ответа: «Она уехала».

Хей-Си не уехала. Она исчезла.

*****

Загадочная

картинка.

Где хозяин домика,

с которым говорит

его знакомый?

ДЕВСТВЕННЫЙ ЛЕС, КАК ОН ЕСТЬ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

У высот Юкатана, в Мексиканской республике, американский лес начинает принимать тропические формы, покрывая большую часть средней Америки, низины Колумбии и Ориноко и величайшее во всем мире речное русло Амазонки, так называемые сельвасы. На юг от Амазонки сельвасы переходят в бразильские Матто, чтобы затем в южном Парагвае (Гран Чако) снова принять тропический характер. В девственном лесу жаждущий приключений молодой европеец отлично может проверить советы, которые даются ему — зачастую напрасно — знатоками местности. В тропическом лесу он всего скорее познакомится с практическим смыслом понятия «гринго».

Гринго! Знаменитое, многозначущее словечко! Во всей латинской Америке, от Техаса до Огненной Земли, оно известно и любимо. Гринго! В переводе: труп. Едва появится европеец, будь то высокообразованный или совсем безграмотный человек, едва покажется бледное лицо под белым или пробковым шлемом, как сквозь дрожащий тропический воздух пронзительно несется многозначительное «гринго».

Всякий чернокожий гаучо, хотя бы он был гол, как сокол, и носил одни только рваные штаны, считает себя в праве так сразить этим словом своего противника, что тому хоть сквозь землю со стыда провалиться. В своем основном значении это слово обозначает всякого европейца, за исключением испанца. В более тесном смысле оно применяется к тем молодым, неопытным пришельцам, которые с целым коробом надежд и упований пускаются в пампасы или в девственный лес и, само собою разумеется, все знают куда лучше других. И вот, поутру, въезжает такой гринго верхом на лошади в царство девственного леса. В первую же ночь, ничего не подозревая, кладет он всю свою упряжь на землю и к утру находит лишь кучку разгрызанной кожи. Большие лесные муравьи скоро научат быть осмотрительным нового пришельца. Мексиканский же путешественник протягивает от одного дерева к другому проволоку и всю кожаную амуницию вешает посередине, затем кругом этого места выльет сильный раствор креолина, и только тогда его имущество весело проболтается на проволоке в течение хотя бы нескольких лет. От многочисленных ядовитых змей должна оберегаться собственная лошадь. Эти животные, за долгую совместную жизнь очень привязанные к своим всадникам, имеют острое чутье и уже издали чуют приближение ядовитых змей, а ночью они улавливают близость топких болот и останавливаются, дрожа от страха. Наконец, тропинка становится все уже и уже. Возможно, что последний раз человек проходил здесь много недель тому назад. Пауки, величиной с крупный орех, натянули свои ядовитые, клейкие сети. И эти силки, в которых при слабом солнечном свете, проникающем сквозь листву деревьев, виднеются отвратительные многоножки, могущие всякого довести своим видом до отчаяния.

Лицо обертывается платками и тряпками и только щелки остаются для глаз. На следующий вечер, среди адского концерта огромных полчищ обезьян, тысяч лягушек, жаб и змей, наш гринго делает непереносимейшее открытие: чем дальше он забирается в девственный лес, тем более ужасной становится борьба с насекомыми. Москиты, серый лесной клоп, полвершинусы с их пальцами как огонь укусами, колючки, которые просверливают кожу сапога и добираются до голых ног, вся эта прелесть целыми тучами устремляется на свою жертву. Сон — это иллюзия. Точно злые химеры, проносятся

в голове мысли о преисподней. Возможно, что лошадь выдержит еще одну, по счету третью ночь, но уже не больше. Отсутствие ночного отдыха, терзания москитов, скудная пища до того ее обессилит, что продолжать дальнейший путь по тропическому лесу она определенно не в состоянии. Или она застрянет в одном из топких болот или же, споткнувшись о корень, уляжется и с наступлением темноты миллионами насекомых будет сожрана живьем, если только сам гринго, сам исколотый и с кожей точно после живодерни, не сжалится и не пристрелит ее. И то, если у него еще остался хоть один патрон, который он не выпустил зря, когда палил в воображаемых тигров и пантер, в сущности уходящих при его приближении на целые мили.

Наконец, через несколько дней такой исследователь, измучившись и измучившись, возвращается обратно в лесную таверну. Туземцы прерывают свое танго; все пестрое общество, отливающее различными оттенками кожи, обступает вернувшегося гринго. Стыдливо опускает он глаза. Мрачно смотрят лица мексиканцев. Злорадство есть чистая радость...

В глубины тропического леса возможно проникнуть только по воде. Вместо компаса, бритвы, кухонной посуды и тому подобной ерунды, нужны сетки от москитов, сухое дерево, сера, ракеты и труба. Самым лучшим способом передвижения была бы, конечно, моторная лодка. Истоки тропических рек обычно теряются в бесчисленных «арройос», т. е. в небольших рукавах, берега которых покрыты густыми зарослями. В этих джунглях обитают якарэ и тапир. Их легко бить из лодки. Но позади этих болотистых джунглей растительность девственного леса. По такому

Постройка жилища в первобытном лесу.

то арройо и плывут до тех пор, пока вода не станет слишком мелкой. Тогда сходят на берег и в высушенную полуденным солнцем траву джунглей суят огонь, чтобы выжечь проход в двадцать метров ширины. Затем, вблизи речки, выискивается подходящее для устройства стоянки место.

Соорудить в девственном лесу хоть сколько-нибудь приличное жилище не так-то легко. Всех ползучих тварей можно избежать только тогда, если предвзительно кругом на шестьдесят метров насыпать серы и налить скипидару. Обычно крупные звери уже на следующий день уходят сами, едва только они слышат необычный шум от ударов топора. Но еще лучше воспользоваться трубой. Точно так же прекрасно могут служить ракеты, лягушки и трескучий порох. Чем больше шуму и гаму, тем лучше. К вечеру, когда москиты поднимаются из болот, зажигаются громадные костры, дым которых уснащают всякими вонючими газами и химическими составами. Когда все эти приготовления последовательно выполнены, тогда только могут европейцы, не боясь всех перечисленных мучений, приступить к сооружению своего жилища. Такой примитивный домик, называемый «ранчо», в Парагвае и Аргентине очень не трудно устроить. Жилище индейцев состоит всего из четырех столбов и крыши, тогда как у ранчо стены переплетаются сперва сучьями и соломой, а затем забиваются и замазываются глиной. Бывают такие ловкачи, которым удастся устроить такой ранчо в течение одного дня.

Источник поблизости — это вопрос жизни. Обычно здешние лесные реченки страшно богаты рыбой. Утреннее куланье, охота на кайманов, катанье на плотах, все это служит хорошим средством для ободрения обитателей девственного леса.

Если усердно поработать, то на месте стоянки в каких-нибудь несколько недель можно оборудовать такую охотничью крепость, что всякого зависть возьмет. Блокгаузу придется более жилой вид, ведущую к реке дорогу прокладывают еще дальше; «пугающий зверей», т. е. владелец трубы, постепнно научается новым мелодиям и вместо жутких, первобытных тонов в лесную глушь врываются покачивающиеся звуки фокстрота под акомпанемент гармоник. Когда жилье стоит готовым, только тогда можно подумать об охоте. Охота на тигров и пантер очень трудна и требует большого терпения, так как тигр пуглив и труслив. У кого же имеются под рукой надежные индейцы, которым известны привычки «того или другого тигра», тот может, если только высидит в засаде несколько часов под атакой москвитов, взять на прицел не только одного экземпляра. Охота на кайманов, ягуара и тапира со временем начинается надоедать. Она не требует ни размышлений, ни напряжения и мужества. Стрелять же в обезьян, напротив, детски просто: они постоянно в стае. Однако, если ранить одну и недостаточно скоро убраться с этого места, то уже волей-неволей придется испытать на себе ярость всей братии шимпанзе. Суками, дубинками и собственными испражнениями мстят эти фыркающие многочисленные братья, сестры, кузены и тесты за убитого члена их племени.

В заключение несколько слов об индейцах. Первый, встреченный вами, индеец способен разбить все иллюзии, привнесенные из Европы. В одно прекрасное утро вы замечаете, напр., что в кустах что-то завозилось. Оттуда вылетает медно-красный парень, с подстриженной бородкой, строит вам добродушную и глубоко-понимающую рожу, направляется к вам на четвереньках, затем поднимается, ощупывает, осматривает вас и смеется во всю варежку. Потом, без всякого приглашения с вашей стороны, направляется в блокгауз, шныряет повсюду, все обнюхивает,

хочет попробовать то и другое, стараясь изо всех сил найти водку и папиросы. Если вы дадите ему коньяк, так он посмотрит непременно, сколько звездочек стоит на бутылке. Затем благодушно и отечески он похлопает вас по плечу, пожелает успеха в работе и... на следующий день заявится в обществе всей своей родни. Столкнуться с совершенно

Выжигание чащи для стоянки.

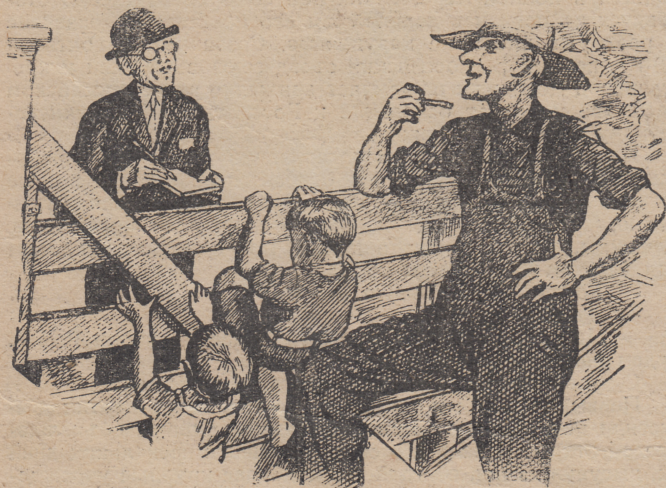
дикими индейцами крайне трудно. Чахотка и разные другие изнурительные болезни основательно разрешили их ряды; да вместе и с вымиранием лесных зверей они лишаются самого главного — пищи. Многих из них ловят белые, чтобы силком отправлять на работы в резиновых лесах. Остальные же очень пугливы и, наученные горьким опытом, удалились в самые непроходимые леса на Амазонке. Там их насчитываются еще миллионы.

„КАК БЫСТРО ВЫ СООБРАЖАЕТЕ?“

Новые испытания Сэма Ллойда.

СОСЧИТАЙТЕ ДЕТЕЙ.

Агент по переписи, облокотившись на изгородь фермы, спросил: «Сколько у вас ребят?»

— Уйма, — ответил фермер, — я нахожу, что маленькие сдоки съедают ровно столько же, сколько и большие. С тех пор, как появились на свет последние два близнеца, мешок муки выходит на три дня раньше прежнего. Я так полагаю, что если бы у нас было еще на четыре ребенка больше, мешок опорожнялся бы на четыре дня быстрее, чем теперь.

Предположите, что отец, мать и каждый из ребят съедает одинаковое количество муки. Можете ли вы ответить, сколько в семье детей?

А НУ-КА, СООБРАЗИТЕ!

Нужда недаром развивает изобретательность. Популярная на Западе Америки игра в «двадцать пять», была изобретена партией рудокопов, занесенных снегом в горной хижине и имевших в качестве развлечения всего одну игральную кость.

Игра играется вдвоем. Задача ее в том, кто первый получит двадцать пять очков или же вынудит своего партнера перебрать сверх этого числа.

Первый игрок выкликает какое-нибудь число в пределах от одного до шести, предположим, он говорит: пять. Второй игрок бросает кость и прибавляет полученное число очков к избранной первым игроком цифре. Например, он выбросил 3 — следовательно общая сумма составляет 8. Дальше кость больше не бросается, а идет вычисление.

Первый игрок поворачивает кость, но, согласно правилам игры, всего на одну четверть полного оборота, так чтобы на верхней стороне кости очутилась одна из боковых сторон: 1, 2, 5 или 6. Предположим, он повернул на 6. Число очков равняется уже 14. Второй игрок поворачивает на 4, увеличивая этим сумму очков до 18, тогда первый игрок поворачивает снова на 6, доводя сумму очков до 24 и выигрывает, потому что его партнер не может сделать 25 путем прибавления одного из 4 чисел, которые можно повернуть кверху при помощи одной четверти оборота. Перебрав свыше 25, он проигрывает.

Однако, рудокопы не заметили того, что игра заключается в себе нелегкую задачу, если спросить: «У кого больше шансов на выигрыш — у первого или же у второго игрока? Чтобы вы предпочли: выкрикнуть ли первое число или же быть вторым игроком, делающим единственный в игре бросок кости?»

(Из истории комсомольского движения в Ленинграде).

Годы революции проходят быстро. Кажется, так недавно, еще только вчера, были эти незабываемые дни, когда в огненном вихре радостных и страшных годов возникали, росли и боролись рука об руку с старшим поколением первые отряды революционной молодежи. А между тем, прошло уже целое десятилетие. Ты уже «старик»... Уже пришло время приниматься за «воспоминания»...

Предлагаемые вниманию читателя очерки не могут претендовать на какую-либо полноту, историческое описание событий. Это просто личные воспоминания автора, на долю которого выпало счастье и честь работать над созданием Ленинградской Организации Комсомола в течение 1919 — 1921 г.г. в качестве одного из редакторов бессменного органа питерской организации «Юный Пролетарий».

* * *

ОТ ДЕСЯТКОВ К ТЫСЯЧАМ.

Ноябрь 1917 года. Цирк Модерн *). Идет горячий митинг. Море возбужденных голов жадно внимает огненным словам, несущимся далеко сверху, где сквозь густую желену табачного дыма и тумана смутным силуэтом виднеется фигура оратора, заканчивающего свою речь: «Товарищи, мы боремся за будущее наших детей!»

И, как бы в ответ на эти слова, взметнулись, запорхали по рядам беленькие листочки...

— Покупайте, покупайте, товарищи! «Юный Пролетарий» — журнал молодежи. Только что первый номер вышел. Поддержите свою молодежь!... — раздаются звонкие голоса чумазых подростков, детей завода и цирка Модерн, продающих «свой» журнал. На угрюмых, сосредоточенных лицах наполняющих цирк рабочих появляются радостные улыбки.

— Есть за кого бороться, вот они какие! То, что мы завоюем, удержать сумеют.

Условия дореволюционного времени, беспросветный гнет царского режима не давали возможности рабочей молодежи создать свою организацию. Февральская революция явилась огромным сдвигом для петроградской молодежи. Принимавшая самое непосредственное участие в перевороте, заводская молодежь всем своим существом восприняла революцию и ее лозунги. Стихийно, совершенно самостоятельно, по фабрикам и заводам начинают возникать юношеские кружки. Из этих кружков создается беспартийная юношеская организация. «Труд и свет» с культурно-просветительными задачами. Стремление к объединению среди молодежи было так сильно, что рабочие подростки по первоначалу массами стали записываться в новую организацию, не задумываясь над ее задачами. Однако, осторожная «беспартийность» руководителей не могла удовлетворить революционную молодежь. Ее запросы остаются без ответа. Не прошло и нескольких месяцев, как «Труд и Свет» распался. Но в это время в Петрограде уже работала, так называемая, «межрайонка», группа товарищей (Рыбкин, Пылаева, Леске), которые при поддержке большевиков вели широкую агитацию среди рабочей молодежи за вступление в нарождающуюся в рабочих районах классовую организацию «Социалистического Союза Молодежи». Во главе Нарвского района вел работу, один из создателей Питерской организации, рабочий подросток Вася Алексеев.

31 августа 1917 года первая обще-городская конференция Питера положила начало «Социалистическому Союзу Рабочей Молодежи» и объявила новый союз членов Интер-

национала молодежи. Юношеское движение нашло свой революционный путь.

Новый союз, со своей четкой программой, носящей уже определенно большевистский характер, быстро завоевывает симпатии молодежи и вскоре под его знаменами насчитывается уже до 16.000 молодых пролетариев.

В это время разворачивается предшествовавшее Брестскому миру февральское наступление германской армии. Ночные тревожные гудки петроградских заводов, бросившие рабочих на защиту своего родного красного города, унесли с ними и лучшую часть рабочей молодежи. Весь актив молодой организации уходит на фронт.

«Прозвучал в последний раз голос петербургской организованной молодежи» — начинается передовица последнего номера «Юного Пролетария» перед вынужденным перерывом. «На этот голос, преисполненный горячим призывом к борьбе и к организации боевых дружин и отрядов для этой борьбы, откликнулась в своем подавляющем большинстве вся рабочая молодежь и сплоченной массой, под флагом своей и других рабочих организаций отправилась на псковские позиции».

В то же время безработица и голод заставляют оставшуюся на заводах молодежь растекаться из города в провинцию. Деятельность союза, лишенного большинства активных работников, замирает. Перед возвращающимися с фронта товарищами встает тяжелая задача восстановить и укрепить организацию. Только к сентябрю 1918 г. это удается в полной мере. С тех пор союз снова твердо становится на ноги и в дальнейшем его постепенное развитие и рост уже ничем не нарушается. Созванный 29 октября 1918 г. первый Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи оформляет движение во всероссийском масштабе и кладет основание к Российскому Коммунистическому Союзу Молодежи.

Первые комсомольские организации возникали в рабочих районах. К началу 1919 г. относится вовлечение в союз служащей и учащейся молодежи. В то время я кончал гимназию, примыкая к группе учащихся-большевиков. Однажды, это было начало 1919 г., мой одноклассник, Леонид Сыркин обращается ко мне:

— Хочешь на активную работу?

— Давай!

— Мне поручено организовать Спасский район РКСМ. Будем работать вместе...

С этого дня началась моя работа в комсомоле.

Первым делом мы, совместно с Райкомом партии, выпустили печатное воззвание к молодежи района, объявляющее об открытии записи в союз. В течение нескольких дней мы, высунув языки, обегали все наиболее крупные учреждения и организации района и всюду расклеили наши воззвания. В отдельных местностях быстро подобрался десяток-другой большевистски настроенной молодежи, образовавшей кадр наших будущих активистов. С их помощью в клубе «III Интернационала» на Садовой, пошла запись членов. Наконец, мы смогли собрать первое, правда, не очень многочисленное, собрание своего района. Пека (как тогда назывался в просторечии Губком РКСМ), утвердило Сыркина организатором, меня секретарем, дало печатные, членские билеты, литературу и мы начали действовать.

В первое время наша работа протекала в непрерывных митингах. Приходишь в учреждение:

— Молодежь есть?

— Есть.

— Назначайте собрание! — и под недоверчивыми, а порой и явно враждебными взглядами администрации мы начинали нашу агитацию. Особенно трудно было вовлечь в союз, так называемых, «торговых мальчиков» и учеников и подмастерьев разбросанных по району бесчисленных кустарных мастерских, где порой приходилось выдерживать

*) У особняка Кшесинской. Сейчас он давно разрушен. Тогда это был центр большевистской агитации.

вать ожесточенную борьбу с хозяйчиками, пытавшимися запугать своих мальчишек.

Когда число членов союза перевалило за первую сотню, Сыркин взял на себя организационную работу, а я занялся устройством клуба в предоставленном нам Райкомом партии помещении одного из закрывшихся банков. Работа начала налаживаться.

В это время развернулось наступление Колчака. Питерская организация объявила очередную мобилизацию. Созвали общее собрание и нашего района.

— Товарищи, фронту нужны подкрепления! Революционная молодежь должна дать свежие кадры сознательных бойцов!... — раздается звонкий голос, вечно горящего возбуждением Сыркина.

— Кто хочет пойти от нашего района?

К нашему смущению такими были все. Пришлось выбирать наиболее подходящих по своим физическим данным. Осаждаемые просьбами обиженных, мы отобрали

дранными спинками и сидениями. Недоеденная краюха черного хлеба на подоконнике сулит роскошный ужин. Мы составляем очередной номер «Юного Пролетария»...

Мы, это — ответственный редактор журнала Н. Татаров и я — его заместитель. В нашем лице чудесно совмещается весь редакционный технический аппарат и сотрудники журнала. Живо поблескивая из-под стекол неснимающихся очков своими умными глазами, Татаров уныло подводит итоги:

— Итак, к очередному номеру у нас есть воззвание Губкома, протокол последней конференции и стихи какого-то Панфилова (не думали мы, что он так скоро станет «заслуженным» поэтом). Как будто маловато?

— Что-ж, давай делать сами. Не привыкать!

Мы быстро набрасываем план номера, распределяем темы, начиная от передовой и кончая хроникой. Скрипят наши, не гнушающиеся никакой темой или формой, перья... Короткая петербургская ночь уже прошла. Над Невой

25 человек. Парнишка из Губкожи выхлопотал на всех кожаные туфурки, в районном военкомате достали винтовки. И вот в течение нескольких дней двор нашего банка стал звенеть военными командами. Это мы с Сыркиным преподавали своему отряду начатки военной премудрости. Однако ПК потребовал, чтобы один из нас остался для работы в районе. После долгих споров этот жребий выпал на мою долю, а Сыркин через пару дней отбыл во главе отряда на фронт с тем, чтобы через несколько лет, исколесив всю Россию, вернуться в Ленинград заслуженным политкомом одной из армий.

Некоторое время жизнь района, проводившего своих лучших товарищей на Урал, продолжалась, но вскоре нам пришлось слиться со 2 городским районом и короткий период существования Спаского района закончился. Меня же ПК перебрал на работу в «Юный Пролетарий».

КАК МЫ ДЕЛАЛИ СВОЙ ЖУРНАЛ.

Зайдите сейчас в редакцию большого юношеского журнала или газеты. Вы увидите настоящий серьезный аппарат. Редакционная коллегия, заведующие отделами, секретари, выпускающие, постоянные сотрудники, твердая смета... В то время ничего этого нам и не снилось...

Огромная, с готическими сводами, комната бывшего великокняжеского особняка. Зеркальные окна отражают покойную гладь Невы. Разнокалиберная мебель зияет обо-

встает веселое утреннее солнце. Мы потягиваемся, подходим к раскрытому окну, жадно вдыхаем свежий утренний воздух.

— Ну, пожалуй, довольно. На номер хватит...

Мы довольны. Но вдруг Татарову приходит на ум какая-то новая мысль. (Хорошие мысли всегда приходят в последнюю минуту). Он таинственно берет меня за плечо...

— Нужен стих!

— Какой стих?

— Да, ведь, номер-то юбилейный. Два года нашей организации. Есть воззвание, есть передовая, статьи, связанные с темой. А юбилейного стиха нет! А ведь это совершенно необходимо... Разбить на шлоны, покрасивее подверстать, — ведь весь номер украсит. — Он расстроен. Вдруг в его глазах появляется отчаянная решимость.

— Пиши!

— Что?

— Юбилейные стихи.

— Да, я же никогда в жизни стихов не писал. Даже, когда был влюблен.

— А журнал когда-нибудь раньше издавал? А на утингах выступал?...

Он делается непреклонным.

— Ну, нечего зря разговаривать! Пиши. Хотя бы в порядке революционной дисциплины.

И я печально покоряюсь... Через некоторое время мои волосы взъерошены, карандаш искусан, вокруг стола валяются груды скомканной бумаги, — но перед Татаровым лежат 20 строчек. Мои первые, — и последние, — стихи.

— Ну, вот и прекрасно! Номер готов.

Теперь, когда прошло уже так много времени, я могу смело признаться, что стихи были очень плохие. Прямо сказать, скверные стихи. В них безжалостно рифмовались идеи и цепей, ногу и дорогу. Но первые две строки до сих пор сохранились у меня в памяти:

«Два года лишь прошло — казалось бы так мало,

Но сколько было поражений и побед!...»

К моему удивлению стихи имели совершенно неожиданный успех. В течение нескольких лет провинциальные газеты и журналы их перепечатывали в своих юбилейных номерах, в зависимости от дат, меняя первое слово с двух на три и честно присылая мне номера. Как видно с поэтами «на заказ» в то время всюду было слабовато.

Вскоре в наш «аппарат» вошел молодой способный поэт Дмитрий Мазнин и с тех пор в стихах у нас не было недостатка.

Надо заметить, что в дальнейшем наше издательство быстро развернулось. К концу 1920 года (Татаров к тому времени давно уже был в Москве, работая в ЦК), мне приходилось одновременно заведывать книжесектором Гсиздата, редактировать и выпускать в одной типографии «Юного Пролетария», в другой — «Смену», в третьей — «Известия ЦК» в четвертой — «Интернационал Молодежи» на трех языках. Попутно мы выпускали брошюры и книжки по отдельным вопросам, плакаты, открытки, значки и потрясающее количество всяких анкет, воззваний, членских биле-тов и др. материалов для Области и ЦК. Но тогда у меня уже были толковые сотрудники и помощники и начинали рабствовать первые «попутчики» и «спецы». Зато, нашей литературой мы сжигали «холодков» из самых отдаленных уголков СССР.

ПЕРЕД БАРРИКАДАМИ

Это было в дни Юг-ни а. В последних судорожных усилиях белые армии шли на Петроград. Истощенные в непрерывных бсях, голодные и голые, красные части отходили. Уже были заняты Гатчина, Детское, Служ. Пустынный, темный Петроград покрылся окопами, ошети-нился колючей проволокой, чтобы в последней схватке бороться за свое будущее — Красного Города, крепости Революции. Враг был у ворот...

Ночное заседание ПК постановило:

— Объявить мобилизацию. Создать сводно-боевой отряд питерского комсомола, передав его в распоряжение штаба укрепленного района. Всем активным работникам явиться в распоряжение Губкома...

Затрещали телефоны, передавая срочную телефонограмму заспанным дежурным, бессменно дежурившим в на-сторожившихся Райкомах.

Утро застало необычную картину. Огромный двор дома № 27, по Галерной улице, где помещался тогда Губком, звенел сотнями молодых бодрых голосов. Замаслен-ные рабочие блузы, заслуженные потрепанные ажанки, выдавшие виды шинели, куртки, гимнастерки наполняли каждый уголок. Это на призыв своего ПК откликнулась революционная молодежь города...

На загорелых лицах решимость, горят возбуждением глаза. Плотными кучками держатся товарищи по станку, дети одного завода. Деловито совещаются друзья по союз-ной работе. Радостно встречаются вновь, пережившие не одну мобилизацию, «старые» фронтовики.

— А, Иваныч, и ты здесь! Ну, снова вместе!

Слышатся удалые звуки звонкой комсомольской песни.

— Смотрите, смотрите, товарищи! Василеостровцы идут. Не подкачали!...

В штаб вбегает запыхавшийся организатор района.

— Согласно телефонограмме прибыли в распоряжение Губкома. Всего столько-то, Райком в полном составе. Най-дется пара десятков старых фронтовиков.

В бюро Губкома шумно. В отдельном уголку непре-рывно заседает боевая тройка. Вбегают и выбегают то-варищи за новыми поручениями. Ведь дело не шуточное, — в несколько часов сформировать боевой отряд. Одни до-стают обмундирование, другие — оружие. Наиболее энер-гичные отправлены на поиски продовольствия. Спешно со-ставляются списки, разбиваются роты и взводы, назна-чаются командиры из бывших фронтовиков. Исчезавший на пару часов в Смольный, выбранный начальником отряда Федя Дребезгов появился уже преобразившимся, в пол-ной походной форме. Настоящий краском. В кармане — утверждение «сводно-боевого отряда РКСМ». За ним про-грохотали двуколки с патронами и перевязочным мате-риалом.

В отдельной комнате обосновались девушки. На две-рях плакатик «Околодок». Новоиспеченные санитарки деловито возятся с марлей и медикаментами. У них все готово к приему первых раненых и уже чешутся руки.

Час ночи. Коля Фокин, наш адъютант, прикусив кончик языка, выводит „приказ по отряду № 1“. Отряд уже сформирован окончательно. Две ро-ы мирно спят в огромных залах клуба. Третья сме-няет дежурных на постах. Парнишки переобрази-лись. Строгие, серьезные лица. В руках сжата в и-товка, через плечо лента с патронами. Попробуй-га теперь войти или выйти без пропуска!

По тихим пустынным улицам ночного города мы на трех грузовиках мчимся на военные скла-ды за недостающим обмун-дированием и амуницией. Вернувшись, я отправля-юсь на кухню Дворца Труда. Огромные котлы засыпаны крупой и начи-нают кипеть. К утру бу-дет каша. Все в порядке, можно и уснуть...

Пара дней проходит в обучении. Под руковод-ством своих и прикоман-дированных командиров, ребята проводят целые дни в маршировках, пе-ребежках, стрельбе, ме-тании гранат.

В околке идут занятия санитарок с воен-ным врачом. Наши караулы уже несут охрану нескольких ответственных пунктов...

А на фронте все хуже и хуже... Начинаются бои у Пулкова...

Шесть часов вечера. Утомленные бессонными ночами, мы, освободившись с дежурства, спим, не раздеваясь, впло-валку, прямо на столах Губкома. Сквозь сон слышу, как кто-то настойчиво дергает меня за ногу:

— Ну, вставай! Вставай же, чорт тебя возьми!

Со сна я соображаю с трудом.

— А? что?

— Телефонограмма из Смольного. Под Пулковым плохо. Возможно, что к утру город начнут эвакуировать...

Сна, как не бывало. Вхожу в комнату тройки. Там уже идет совещание. Донесются отдельные фразы товарища, только-что прибывшего из Смольного.

— На нас возлагается задача... В случае, если город решено будет оставить... Задерживать наступающие части у Нарвских ворот... Перейти на баррикадные бои... Всеми мерами задерживать белых... до последнего человека... пока не уйдут последние поезда в Москву... потом активу перейти на нелегальное положение... Оставаться в под-полье... держать связь...

Все сосредоточены. Ни одного лишнего слова. Все понятно и так.

Наступает ночь. Нас пять или шесть человек опу-

гтевших комнатах. Все разошлись. Кто на дежурстве, кто поверяет посты, кто ушел на часок домой, попрощаться с родными. Остальные в отряде, поддерживают настроение ребят.

За окном — осеннее небо озаряют вспышки, раздаются гулкие удары далеких выстрелов. Это наш флот обстреливает Пулковское шоссе. Тоскливо...

— Да, обидно!.. А ведь, как хорошо начали...

— Казалось, вот-вот, перевернем весь мир...

— Глупо погибать в такие дни!..

— Ну, авось еще вывернемся...

Начинаем жечь списки членов организации, переписку губкома. Огромный великокняжеский камин озаряет наши лица красными отблесками, весело пожирая карточки и протоколы.

Раздобывший где-то гитару, Дребезгов притулился в уголку и, тихонько пощипывая струны, меланхолически напевает вполголоса:

«Прощай же, дорогая, меня зовет война,

Ты, прощай, родная, милая жена...»

У него уже есть новые «липовые» документы, с которыми он возродится для подпольной работы.

Я распределяю между товарищами оставшиеся на руках казенные суммы. Вся отчетность (тогда я заведывал также и финансовым отделом Губкома) уже давно спрятана в недостижимом для белых месте.

Настроение не веселое. Шутки неунывающих товарищей повисают в воздухе, никем не поддерживаемые.

Раннее утро. Телефонограмма из Смольного:

— Привести отряд в боевую готовность. Ждать приказа о выступлении.

Горнист трубит тревогу. Выбегают на двор одевающиеся на ходу, взбудренные утренним воздухом отрядники. Командиры строят свои части. Мы раздаем патроны, ручные гранаты, индивидуальные пакетики с перевязочным материалом. Санитарки сгруппировались возле своей двуколки под флагом Красного Креста.

Новая телефонограмма:

— Выступить по направлению к Средней Рогатке.

— Смирно! — звенит четкий, резкий голос Дребезгова, подтянувшегося и сосредоточенного. От ночной меланхолии за гитарой не осталось и следа.

Несколько напутственных слов, — и, четко отбивая ногу, наш отряд тянется серой стройной лентой из ворот, выходя на Галерную. Вот уже первые ряды начинают заворачивать на Площадь Труда...

Внезапно раздается оглушительный треск военной мотоциклетки. Запыхавшийся седок догоняет колонну, подбегает к Дребезгову...

— Отряд, стой!

Это Смольный возвращает нас обратно. На фронте перелом, наши части перешли в наступление. Мы, как один из надежнейших резервов, вновь остаемся в готовности до новой тревоги...

Снова привычные своды княжеского особняка. Но на этот раз надолго. Вести с фронта все радостнее и радостнее. Скоро уже Юденич прижат к эстонской границе. Опасность миновала. Наш отряд расформируется.

Снова на мирную работу.

КЕРОСИН И СУХАРИ.

Один из докладов культурно-просветительного отдела Губкома в конце 1919 года начинался приблизительно так:

— В отношении развертывания широкой культурно-просветительной работы нам удалось достать в достаточном количестве керосин, который сейчас срочно распределяется по районам...

Сейчас это звучит шуткой но когда это было действительно одним из важнейших моментов в нашей работе. В самом деле, нужно было обладать тем неистощимым энтузиазмом, подъемом, энергией, которыми был с избытком наделен наш, закалившийся на фронтах и революционном горниле, актив, — чтобы вести какую бы то ни было работу в условиях того времени.

Дров не было. В клубах и райкомах было немногим теплее, чем на улице. Электричество не действовало. Ющелккая зубами от холода, ежась в своей давно уже выдавшей лучшие дни шинелишке, в полутемной комнате, при свете огарка где-то раздобытой свечи, негнущимися пальцами выводил свои протоколы какой-нибудь секретарь райкома...

Положение было не из веселых. Немудрено, что одной из первых задач Губкома после Юденических дней были заботы о топливе, свете и пище.

На этот фронт были брошены все силы организации. С топливом было сравнительно просто. Каждый район подыскивал себе небольшой деревянный домик из предназначенных на слом. И вот, каждое воскресенье, вооружившись чем попало, комсомольцы двигались на штурм этих крепостей. Под аккомпанемент песен и шуток дружно вскрывались крыши, разламывали стены, звенели, топоры, визжали пилы, — и скоро в районах затрещали давно не топлённые печи. Не отставал и Губком. На его долю пришлось выброшенная на набережную огромная баржа, нашедшая свое вечное успокоение в топках наших дворцовых печей.

А когда удалось достать керосин и раздать его по клубам, то половина культурно-просветительной работы была налажена...

Хуже было с продовольствием. Город голодал. Начинали выбывать из строя самые активные работники, истомленные голодовкой, не имеющие времени и умения заботиться о собственном благополучии. И здесь нам на помощь пришли юношеские организации хлебных районов. В ряде губерний был объявлен среди членов союза сбор сухарей для голодающей молодежи Питера. По фунтам, по горстям, тайком от родителей, собирала деревенская молодежь эти сухари и скоро первые вагоны с аппетитно пахнущими мешками двинулись в Петроград.

В один прекрасный день в Губкоме появилась пара загорелых парнишек. Один — в солдатской папахе, другой — в каком то подобии шапки. Через плечо — винтовка, за поясом наган.

— Здравствуйте! А мы из Бугуруслана.

— Ну, здравствуйте! Что скажете?

— Да, вот, приехали наконец. Не найдется ли у вас пара грузовиков, да десятка здоровых парней?

— Ну, пожалуй, найдется. А вам, собственно, зачем?

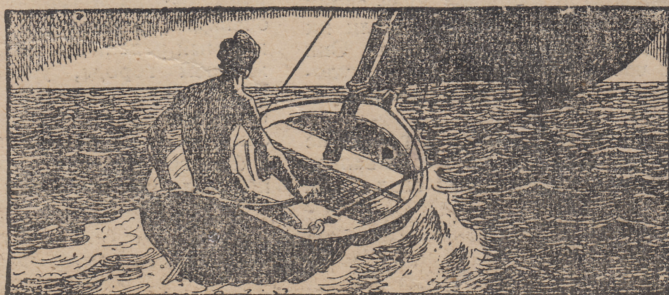
— Да, мы же вам сухари привезли! На поддержку!..

Дальше было не до расспросов. Забыты были все «текущие дела»... Через несколько часов огромный, давно пустовавший гараж на нашем дворе весело улыбался заманчивыми штабелями пухлых (ах, как незабываемо вкусно они пахли!) мешков с сухарями.

На другой день приехала новая делегация, за ней еще и вскоре мы стали обладателями солидного склада сухарей, крупы и муки. Прибывшие самарцы и уфимцы выступали на митингах, а в районах ребята, почавкивая, упледали коллективную кашу...

Уезжая, гости захватили с собой десяток — другой наиболее истощенных питерцев «на поправку». А затем, возле Елабуги, удалось организовать даже постоянную колонию для наших ребят.

А. ДОРОХОВ.

КАК МИКРОСКОП ПОЙМАЛ ТРЕХ БАНДИТОВ

(Из американской жизни).

Читатель помнит, вероятно, рассказ о наблюдательном дервише. Путешествуя по Аравийской пустыне, он встретил двух купцов, которые были, очевидно, чем-то сильно расстроены. «Вы потеряли верблюда?» — спросил их дервиш. «Да!» — ответили купцы. «Он ослеп на правый глаз, а левая нога у него ослабла?» — продолжал спрашивать дервиш. «Да, да, это он!» «И у него выпал также передний зуб?» «Совершенно верно!» «А гружен он был, с одной стороны, медом, а с другой — мукой?» «Да, именно так. Пожалуйста, приведи его сюда и мы щедро вознаградим тебя» «Не так быстро, друзья мои! — сказал дервиш. — Я никогда не видел вашего верблюда, а услышал о нем только от вас.» «Не плохо придумано, дружок! — закричал один из купцов. — Но где драгоценности, которые на верблюде в кожаном мешке?» «Я ничего не знаю больше ни о вашем верблюде, ни о ваших драгоценностях — спокойно заявил таинственный дервиш.

Это было уже слишком для купцов. Они схватили его и быстро доставили на суд, обвиняя дервиша в умерщвлении их верблюда. Но кади (судья) не мог отчетливо разобратся в деле и колебался вынести свой приговор. Тогда спросил себе слова и дервиш.

«Я сознаюсь — сказал он — что все падающие на меня подозрения не лишены основания. А настоящая же причина та, что я долго жил в полном уединении и привык хорошо пользоваться своими глазами. Я узнал, что перед мной были следы заблудившегося верблюда, так как рядом с ним не заметил следов человеческой ноги. Я узнал, что он был слеп на один глаз, так как щипал траву с одной лишь стороны тропинки. А что он был слаб на одну ногу, это показывал более слабый отпечаток ее на земле. Я заключил дальше, что он потерял один зуб, так как оставил в середине ощипанной им травы нетронутый клочек. Копыстившиеся муравьи на одной стороне тропинки, а на другой — мухи, ясно указывали на то, что на верблюде был мед и мука».

Судья (кади) был восхищен наблюдательностью дервиша и приказал немедленно отпустить его на свободу.

Весь этот рассказ относится, конечно, к далеким от нас временам, а в наши дни распутывать темные дела, запутанные истории, помогает даже микроскоп.

В одну из октябрьских ночей 1923 г. скорый поезд Южной Тихоокеанской жел. д. успел только войти в тоннель у Калифорнийского берега, как на него напали бандиты. Вскочив на тендер паравоза и направив дула своих револьверов на машиниста и кочегара, они заставили их сначала остановить поезд, а затем обоих пристрелили. Они взорвали потом динамитом часть почтового вагона, уложив этим на месте почтового чиновника, а кондуктора пристрелив из револьвера.

Когда прибыла полиция, бандиты скрылись в горах, не добравшись до намеченной добычи. Налицо оставались четверо убитых, а к убийцам вел единственный след... три

кусочка соли в грубом парусиновом мешке, которым один из бандитов обвязал свой башмак, чтобы сбить, очевидно, со следу полицейских собак, так как парусина была вымазана смолой соснового дерева.

А через несколько дней после этого разбойного нападения, химик и эксперт по уголовному розыску, Эд. Хейнрик, простояв в своей лаборатории над микроскопом и рассматривая в него три зернышка соли, выступил с таким изумительным сообщением:

«Один из трех преступников был левша, шатен-дровосек, около 25 лет, ростом 5 футов и 8 дюймов, плотный и даже толстый на вид, чисто выбритый и прихотливый в своем житейском обиходе. Недавно он работал в западной части Вашингтона по рубке соснового леса».

И руководствуясь этими данными, полиция принялась за поиски бандитов во всех уголках мира, пока на четвертый год не был схвачен, наконец, главный организатор всего нападения, а за ним арестовали уже и его помощников.

И все это из-за трех кусочков соли? Возможно-ли это? Да, так оно и оказалось в действительности.

Сперва химический анализ убедил Хейнрика, что соль была того особого образца, которая дается скоту. В соответствии с этим указанием он обследовал несколько соседних с местом нападения скотоводов-фермеров. Недалеко от одной из этих ферм он наткнулся на спрятавшуюся в глубоком ущелье хижину, где обнаружил разорванные куски той же парусины, которую нашли на месте преступления, и с теми же пятнами смолы. Здесь же он нашел полотенце с оставшимися на нем волосами от недавнего мытья головы и недавнего же бритья. Внимательно исследовав под микроскопом полотенце, он определил, что им пользовались трое. Сравнивая эти остатки волос с таблицами, устанавливающими возраст человека по его волосу, он пришел к выводу, что ни один из преступников не был

Эд. Хейнрик в своей лаборатории.

старше 25 лет. Дельнейшему расследованию дела помогла пара оставленных одним из бандитов брюк. Зернышки соли в карманах и обилие пятен смолы указывали на то, что владелец их был дровосеком; к тому же он носил их на выпуск, а не вправлял их в сапоги, как это делают фермеры и скотоводы. Величина и форма этих брюк помогли, конечно, установить фигуру преступника, а расположение смолистых пятен указывало на левшу. Целый ряд мелких деталей (уход за ногтями и пр.) указывал на заботливое отношение к своей наружности. Наконец, обратили внимание на одутловатость кармана, в котором носили, очевидно, револьвер. И случайно нашли в кустах у хижины и самый револьвер, который был опознан продавцом в ближайшем городе, указавшим определенного покупателя. Калибр револьвера как раз подходил к той пуле, которой был убит кондуктор. Этот покупатель оказался отцом трех бандитов, покушавшихся на ограбление поезда. Здесь нашли и фотографии всех трех участников нападения. Все остальное было уже вопросом одного только времени.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ОПЫТ.

Огромный эксперимент, величественный опыт, гигантская проба силы современной магии, кончилась неудачей. Взоры двух частей света были направлены на правую руку проф. Джотенсена из Кольгейта, которая костлявым указательным пальцем нажимала блестящую электрическую кнопку на большой распределительной доске. Треща, проходил ток высокого напряжения по голубым, красным и фиолетовым проводам.

В инкубаторе, огороженном толстым стеклом, клубясь кипел шипящий пар.

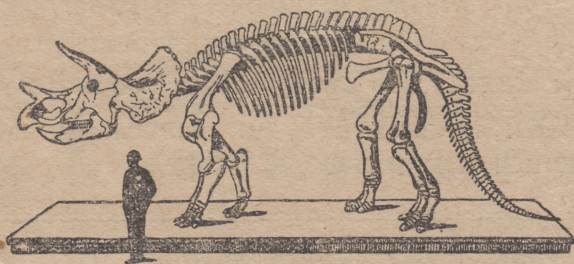
Одна пара глаз в очках, испуганно, час за часом, следила за таинственным развитием зародыша.

Ртутные столбы, измеряющие давление и температуру, поднимались и падали.

«Ток включить!» — «Ток выключить!» — раздавалось изредка. Телефон, стоявший на маленьком столике посреди клубка из машин и аппаратов, не переставая звонил.

В Америке имеется человек. Зовут его Андрей Чапмен, который вбил себе в голову добыть статуи, книги и постройки, лежавшие в течение тысячелетий на дне песчаного моря пустыни Гоби.

Особенно хотелось иметь ему книги древних ассирийцев. Эти книги состоят из шиферных дощечек, в которые поэты, историки и фельетонисты того времени вдавили клинообразным шрифтом много мудрых вещей.

Скелет хищного динозавра.

М-р Чапмен во главе большой экспедиции и с туго набитым долларами бумажником углубился в пустыню Гоби. Там он заставил несколько сот рабочих рыться в песке. Не найдя ни статуй, ни построек, ни книг, он наткнулся, однажды, на большое количество громадных яиц. При сравнении их со страусовыми, они были как циклопы перед лилипутами.

Яйца наполовину окаменели и были покрыты твердой коркой. М-р Чапмен сделал при этом открытие кислую физиономию. «Но все-таки лучше гигантские яйца, чем совсем ничего» — решил он немного спустя и перевез яйца в Нью-Йорк.

Собравшиеся ученые начали ломать голову над монстром, положившим такие яйца.

Этот вопрос бесконечно разбирался, пока не был решен: Андрей Чапмен нашел в пустыне Гоби яйца динозавра. И яйца эти принадлежали не обыкновенному динозавру, который снес их, чтобы 800 милл. лет спустя доставить удовольствие забавному американцу. Нет, они принадлежали страшнейшему и самому необычайному чудовищу, которое в те времена властвовало на земле над всем животным миром нашей планеты.

Извлеченные из земли кости ископаемого нам наглядно показывают его сложение и образ жизни *Titanosaurus*

гех — так называют ученые этого короля ящеров, колосса весом в сорок тонн.

М-р Чапмен продавал свой клад, как надлежит истому американцу, тому, кто больше даст; когда они почти-что достались одному частному американскому музею, появляется проф. Джотенсен и энергично протестует.

— Это же преступление, — убеждал он, — поставить эту находку на показ в какой-нибудь коллекции, чтобы несколько любопытных палили на них глаза, ничего не понимая.

Здесь, — говорил он, — открывается возможность осуществить дивный сон, разрешить изумительную задачу. Следует... не более, не менее как попытаться вывести из яйца маленького динозавра!

Осуществить свой план проф. Джотенсен задумал с помощью гигантского электрического инкубатора.

М-р Чапмен за два яйца потребовал кругленькую сумму в 30 тысяч рублей. С жаром принялся ученый разыскивать себе покровителя-мецената.

К счастью, нашелся вскоре фабрикант сардинных жестянок, который оценил возможное счастье быть «папой крестным» маленького динозавра и пожертвовал нужную сумму.

Профессор заперся с двумя яйцами в свою лабораторию, где ему удалось химическим путем смягчить и отчасти удалить окаменевшую скорлупу.

После того, как одно яйцо было положено в гигантский инкубатор, проф. Джотенсен схватился за голову и задал себе вопрос: сколько же времени употребляла мамаша динозавра, чтобы высидеть своих детей? Какая нужна для этого температура? Этому он не знал и ему в конце концов не оставалось ничего лучшего, как положиться на свое счастье.

Он принял для динозавра температуру, в которой высиживают свои яйца крокодилы, и принялся за свой эксперимент. Радио и телефон готовы были каждый момент оповестить весь земной шар о рождении допотопного животного. Но опыт потерпел полное фиаско. В яйце ничего не двигалось. Напрасно старались пар и электричество над воображаемым эмбрионом (зародышем) чудовища.

Природа не покорилась и не допустила существования живого существа мелового периода среди небоскребов и молниеносных поездов двадцатого столетия.

Так и остался неосуществленным диковинный роман, где один гигантский динозавр мог вырваться из своей огромной клетки и попасть на улицы Нью-Йорка.

В гигантском городе умопомрачительная паника — сотни тысяч людей в ужасе спасаются в туннелях подземных дорог.

Предполагают убить из тяжелых орудий чудовище, которое в это время одним ударом лапы сбрасывает на землю «Статую свободы» и проламывает с разбегу бетонированную стену небоскреба на 5-м авеню.

Хотя общество против насилия, но бедный динозавр не вызвал жалости в сердце Нью-Йорка. Правда, жалко портить замечательный, покрытый броней костюм, но в нем так охотно будут щеголять...

Конец романа пусть составит уже наш читатель.

Ч. Д.

Ворожейкину (Воткинский завод).—В настоящее время имеются в продаже русские велосипеды «Госшвеймашины». Цена их от 200 до 210 р. в губернских городах, где имеются магазины «Госшвеймашины». Полагаем, что вам нужно навести справки в Перми. О рассрочке платежа за велосипеды пока ничего не слышали. Покупают обычно за наличный расчет.

А. Прозоровскому. (Кол. «Орловка»).—Не состоя подписчиком журнала и покупая отдельные номера в киосках, даваемые к нашему журналу приложения можно приобретать только по розничным ценам в издательстве «Красная Газета» или в киосках.

Розничные покупатели участвуют не в розыгрыше премий, а в решении наших конкурсов («Живая цепь», «Стомахион») наравне с подписчиками журнала.

Если вы выпишите себе отдельно приложения, то считаться подписчиком все-таки не будете.

Н. Карасеву (Лгр.). Все указанные в ми отделе по радио будут включены в программу журнала в ближайшем будущем. — Статья о лагерной жизни уже была у нас напечатана, а к тому мы и лишены возможности поместить Ваши дополнительные заметки на эту тему. Сезон прошел.

А. Р. Бондоренко (Алексеевка) «Рубин Будды» не подошел.

Косте Логинову. (Сибкрай). Номера выигравших наши премии регулярно печатаются на обложках нашего журнала. Результаты первого розыгрыша указаны в № 7, а результаты второго в №№ 15 и 16.

Что в первом розыгрыше не было карманных часов и кошелька, это понятно, ибо часы и кошелек включены в наш конкурс, а не в розыгрыш наших премий.

«1000 слов немецких» вышло пока 10 номеров.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ПОСТУПИЛИ ДЛЯ ОТЗЫВА:

Н. Могучий. Восстание Воскеца. Изд-во «Земля и Фабрика». М.—Лгр. 1927 г. 140 стр. Ц. 90 к.

Фенимор Купер. Следопыт. Изд-во «Земля и Фабрика». М.—Лгр. 1927 г. 267 стр. Ц. 1 р. 70 к.

Г. П. Карцов. Восстание, дрессировка и натаска подружейной собаки. Лг. 1927 г. Изд. Губ. Лгр. Союза Охотников. 125 стр. Ц. 85. к.

В. М. Галалей. Утка и охота на нее. С предисловием П. В. Серебровского Изд-го Губ. Союза Охотников Лгр. 1927. 130 стр. Ц. 80. к.

КАКОВЫ НАШИ БЛИЖАЙШИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ?

В настоящее время находятся в печати:

А. Тиадех. Трест «Атлантида».

М. Бриджес. «Книга открытий».

М. Твех. Приключения Тома.

» » Приключения Гека.

1 книга «По суше, морю и воздуху».

Эти книжки и будут разосланы нашим подписчикам в первую очередь.

Соломонов суд.

Решение мудреца было вполне справедливо. Трое вместе съели 8 хлебцев, значит каждый съел $2\frac{2}{3}$ хлебца.

Юсуф имел 3 хлебца и пожертвовал только $\frac{1}{3}$, Ахмет же, у которого было 5 хлебцев, дал $5 - \frac{2}{3} = 4\frac{1}{3}$. Значит, он дал хлеба в семь раз больше Юсуфа и получает, поэтому, в семь раз больше денег.

О ПРЕМИЯХ ЗА „СТОМАХИОН“

Редакция в последний раз просит своих читателей поторопиться с указанием желательных премий за этот второй наш конкурс, результаты которого выяснятся к 15 сентября.

ДЛЯ ОВЛАДЕНИЯ НЕМЕЦКИМ ЯЗ.

не следует изучать его по устарелым методам. Наилучшим признан новейший метод МЕРТНЕРА, избавляющий от необходимости заучивания слов и правил. Самоучитель в 10 выпусках высылается за **2 р. 85 к.**

Москва, улица Герцена, д. 9/17.
„Русско-Иностранная Книга“.

УЗНАВАЙТЕ ПОГОДУ

Гигрометр „БАРОМЮР“

Прибор для предсказания погоды, погоды с вечным календаром. НЕОБХОДИМ ВСЕМ.
Высылается немедл. по получ. 1 р. (можно марк.). Налож. плат. — 1 р. 20 к.
Оптовикам скидка. Адрес: Москва, 313, почт. ящ. № 1183, произв. „Баромюр“

1000 Слов английских

2-ое исправленное
и дополненное
издание.

Настоящий самоучитель построен на основах живой английской речи, которая по своей легкой форме и занятному содержанию дает возможность каждому пройти весь курс в 6 месяцев и тем самым подготовить себя также к чтению английской книги или газеты.

2 р. 50 к.

ЦЕНА ВСЕЙ КНИГИ ИЗ 15 ВЫПУСКОВ

2 р. 50 к.

Заказы направлять: Ленинград, Фонтанка, 57. „Красная Газета“.

1000 Слов немецких

Новейший практический самоучитель **НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**. Он интересен по материалу, легок в усвоении и экономичен по времени: весь курс из 15 выпусков можно пройти в 6 месяцев. Каждый выпуск богат иллюстрирован.

ТРЕБУЙТЕ у всех газетчиков, в книжных лавках и на вокзалах.

Цена отдельного выпуска **15 коп.**

Подписная цена за все 15 выпусков **2 рубля.**

Ленинград, Фонтанка, 57, „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

ЧИТАЙТЕ

самый дешевый единст. в СССР юмористический

— ЖУРНАЛ —

ПУШКА

Цена отд. № 5 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

НА

РАБОЧИЙ, ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

„РЕЗЕЦ“

„РЕЗЕЦ“ — печатает произведения молодых пролетарских писателей. Основная форма произведения — бытовой рассказ или повесть, очерки из жизни рабочих союза СССР, стихотворения, критические статьи и т. д.

„РЕЗЕЦ“ ставит себе целью — выявить молодые писательские дарования из рабочей массы.

„РЕЗЕЦ“ связан с широкими слоями рабочих писателей всего Союза — Украины, Сибири, Урала, — впервые пробующих свои силы.

Кроме молодых рабочих писателей и поэтов, в „Резце“ печатаются произведения и крупных мастеров слова.

В „Резце“ принимают участие (писатели и поэты) Т. Арефьев, К. Арканов, Д. Витязев, В. Дулин, В. Друзин, П. Журба, Мих. Зуев-Ордынец, А. Крайский, М. Карпов, Б. Корнилов, Зин. Каппарт, А. Красимов, В. Князев, Д. Лаврухин-Георгиевский, Игн. Ломакин, Ив. Молчанов, Е. Панфилов, В. Саянов, Л. Саулин, Б. Соловьев, Лев. Сергеев, А. Селифонов, Н. Тихомиров, А. Чапыгин, М. Чумандрин, М. Шефер, Г. Фиш. и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На один месяц — 35 коп., на три месяца — 1 руб., на шесть месяцев — 1 р. 75 к.

Цена отдельного номера **10 коп.**

Заказы и деньги направлять по адресу: Ленинград, Фонтанка, 57. Издательству „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

ВТОРОЙ РОЗЫГРЫШ ПРЕМИЙ ИЮЛЬСКИЙ

КОМУ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ ВО ВТОРОМ РОЗЫГРЫШЕ?

1 Радио-
аппарат

1 Фотограф.
аппарат

2 Велосипеда

5 Самопишу-
щих перьев

6 Пар буц

6 Футбольн.
мячей

15 Рыболовн.
наборов

30 Перочин-
ных ножей

Выигравшие
велосипеды, радио-и фото-аппараты!
Пришлите свои
фотографии.

РЕЗУЛЬТАТ ВТОРОГО РОЗЫГРЫША ПРЕМИЙ ЖУРНАЛА „ВОКРУГ СВЕТА“

8-го августа Издательством „Красной Газеты“ был произведен второй розыгрыш премий журнала „Вокруг Света.“

Премии пали на следующие номера билетов:

1 радио-аппарат: 4659	503 7490 5683 875 3051 3152	6 пар буц: 5958 5984 6044 6000 1304
1 фотографический аппарат: 2429	5103 5016 2622 2629 3742 1383	6 футбольн.х мячей: 2880 2456 5006 5697 2574
2 велосипеда: 668 1637	15 рыболовных наборов (или фуфак): 5150 3091 3579 4335 3765	4860 2111 1464 887 5906
5 самопишущих перьев: 1432 3209 1006 7683 6653	6047 2130 1508 4353 5859	2858 7099 5399 3580 6805
	1763 6375 7395 4238 2717	2645 7434 5615 371 1063

В изменение условий первого розыгрыша, все выигрыши будут
высланы издательством за свой счет, за исключением велосипедов,
радио и фотографического аппарата.